

Джером Моррис

Чистилище

перерождение в пламени

Джером Моррис

Чистилище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26107923

ISBN 9785448571503

Аннотация

Что может быть интереснее, чем человеческие надежды, страхи и сомнения? Пожалуй, только поступки, на которые людей толкают эти чувства. И ничто не раскрывает человека лучше, чем настоящие трудности и лишения. «Чистилище» – одно из произведений цикла «Обратная сторона». События, описанные в книге, развиваются в осажденной крепости Дурн-фар. История о стойкости – врожденной и вынужденной. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	75
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Чистилище

Джером Моррис

Дизайнер обложки Дарья Валерьевна Нехотина

Иллюстратор Марина Сергеевна Деменская

© Джером Моррис, 2020

© Дарья Валерьевна Нехотина, дизайн обложки, 2020

© Марина Сергеевна Деменская, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4485-7150-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чистилище – согласно католическому вероучению, это место и состояние, в котором пребывают души людей, нуждающихся в дополнительном очищении. После перенесенных там страданий – человек неизбежно меняется.

И все, кому суждено пережить гнетущее напряжение осады и череду кровавых штурмов – уже никогда не станут прежними.

Старый
Аэрин

Нинь-инь

Горгранд

Ард-демма

Волотая
долина

Леммас

Фор-дрим

Вим

Элрин

Хертсем

Данас

Дурн-фар

Кардан

Севенна

Вилфолк

Мудузэй

Амилъ

Уссейф

Глава 1

В теплых, ласковых лучах заходящего солнца, багрянец и золото осеннего леса выглядели по-настоящему красиво. Отливающие перламутром перистые облака, виднеющиеся в просветах пышных крон, удивительным образом оттеняли темные, в пятнах мха и лишайника, стволы многовековых дубов и буков. Бегущий по дну неглубокого овражка ручей журчал тихо и мелодично. А посреди всего этого великолепия, согнувшись пополам и опершись рукой о ствол дерева, блевал желчью невероятно исхудавший мужчина.

Приглушенно откашлявшись и вытерев рот тыльной стороной ладони, он затравленно оглянулся, прислушался. Скатившись по прелой листве на дно овражка, прошлепал тяжелыми сапогами по руслу ручья. Полушепотом кого-то проклиная взобрался на противоположный склон. Снова прислушался. Изменился в лице, побежал. Доносящиеся сзади и сбоку голоса свидетельствовали о том, что погоня не оставала. Кругом пели на разные голоса лесные птички, легкий ветерок шуршал сохнувшей листвой, но беглец всего этого не слышал. Громоподобный, сбивающийся стук собственного сердца отдавался в ушах барабанным боем. Тяжелое дыхание со свистом вырывалось из горла, провоцируя сухой болезненный кашель. Ветки резко хлестали по лицу, а молодая поросль норвила спутать ноги. Джастин упал. Снова. Не по-

тому, что споткнулся или оступился. Просто сил оставалось все меньше. На самом деле, он вообще удивлялся, что смог бежать. Пропахав ладонями две глубокие борозды в теплой прелой листве, обессилено сплюнул. Прополз несколько шагов на четвереньках, чудом поднялся. В глазах, в который раз, потемнело. Заслоняя лицо от хлещущих веток, побежал дальше. Крики усилились. Погоня приближалась.

Продравшись сквозь особенно густой кустарник, не заметил небольшого, около метра, склона. Покатился кубарем, треща ломаемыми ветками, как медведь в малине. Вывалился из чащи прямо на широкую лесную тропу. Хотя крики преследующих слышались уже совсем рядом – Джастин застыл, распластавшись на сухой утоптанной земле. Застыл потому, что чуть не уперся носом в здоровенные подкованные копыта. Огромный боевой конь в начищенном металлическом наглавнике, богатой попоне и чепраке – раздраженно заржал. Перебирая ногами в непосредственной близости от головы Джастина. Спустя мгновение беглец пришел в себя настолько, что смог заметить отсутствие всадника. Но еще не успел это обдумать, как из-за ближайшей раскидистой ели донеслось сердитое покашливание.

Мужчина, таким образом обозначивший свое присутствие, был широкоплеч, усат и хмур. Держа подмышкой длинные латные рукавицы он не спеша стягивал шнурки на портках. Завязав узел, одернул богатый лентнер, надетый поверх лат. Перехватив рукавицы и скрестив руки на груди,

вопросительно уставился на Джастина. В этот момент сзади послышался шорох и треск, и из кустов стали появляться заросшие чумазые крестьянские рожи. А так же крестьянские дубины, вилы и рогатины.

На мгновение все замерли. Затихли шорохи, производимые тяжелыми, мужицкими башмаками. Затих хрип, вырывающийся из истерзанных легких Джастина. Затих даже огромный жеребец, точно почуявший общее напряжение...

Широкоплечий рыцарь, стоявший вполоборота к чаще, кишащей вооруженными крестьянами, медленно развернулся. Все еще держа скрещенные руки на груди. Скользнул сосредоточенным взглядом по не очень чистым и очень заросшим лицам. Оценил расстояние, отделяющее его от коня. А точнее – от двуручного эспадона, длинная рукоять которого высоко поднималась над седлом. Преследователи, еще недавно разгоряченные погоней, тоже увидели и оценили. И внушительные габариты рыцаря, и его пластинчатые латы, и красноречивый взгляд, брошенный на грозное оружие. А собственные вилы и рогатины вдруг перестали внушать доверие. Послышался удивленный шёпот. И чумазые лица почти неслышно растаяли в зелени орешника. Джастин осмелился поднять глаза. Уверенности в благополучном исходе происходящего еще не было, но стремительно крепнувший огонек надежды уже горел. Несмотря на солидный слой грязи, крови и бог знает чего еще, в его сюрко можно было разглядеть белые и синие полосы. Такие же, как и на рыцар-

ском лентнере.

– Поднимайся, парень.

Джастин, кряхтя, встал на четвереньки. Попытался подняться на ноги, но не удержал равновесия, начал заваливаться вперед. Крепкая мозолистая рука удержала его от падения. Джастин поднял глаза на рыцаря, попытался заговорить, но почувствовал знакомый позыв. Его вырвало. Частично – на рыцарские железные саботоны.

– Ясно... еды пока не предлагаю. На, хлебни. Идти сможешь?

Джастин жадно припал к фляге с водой. Подавился, закашлялся. После изматывающего бегства все еще горело горло, шумело в ушах, а ноги подкашивались.

– Смогу... сир.

Солнце склонялось все ниже, тени удлинялись, и теплый осенний день постепенно превращался в прохладный осенний вечер. Однако разгоравшийся костерок давал путникам необходимое количество тепла и света. Не прошло и часа, как они набрали на очень удобную поляну. Стоявшие рядом огромные замшелые валуны – скрывали от посторонних взглядов не только костер, но и обоих мужчин. Коня, правда, скрыть было не так просто. Однако рыцарь без опаски оставил его пастись на поляне. Объяснив это тем, что чужого жеребец к себе не подпустит, а стреноженный – далеко не уйдет. Достав из небольшого дорожного выюка кусок солонины, краюху подсохшего хлеба и яблоко, он протянул их

Джастину.

– Возьми, а то пока готовить буду – огонь слюной зальешь.

Джастин поблагодарил. Съел, соблюдая осторожность. Печальный опыт научил его – после продолжительной голодовки, избыток пищи может принести немало страданий. Тем временем, жаркие языки пламени неспешно лизали сухие дубовые головешки, пытаясь дотянуться до нанизанных на прутики кусков шкварчащего мяса.

– Ох, и повезло мне, что по дороге встретился тот паренек, – вещал негромким, хриловатым баритоном рыцарь. – Конечно, наглец запросил за троих кролей – что за корову. Распознал ведь, засранец, доброго человека, увидел, что так не отниму. Хотя зайцы, надо сказать, достойные. Жирные, сочные – вон как капает. А самому мне, знаешь ли, за зверьем по лесу гоняться недосуг. Да и, что уж тут лукавить, не мастер я в этом деле. Мой инструмент, так сказать, на более крупную дичь рассчитан.

Говоря это, он с усмешкой кивнул на стоявший рядом эспадон. Тяжелый двуручный клинок стоял, опершись о камень, под некоторым наклоном, но все равно заметно возвышался над головой сидящего рыцаря. Тоже, к слову, немаленького.

– Я вижу, ты закончил с солониной. Стало быть – подкрепился. Немного отдохнул. А значит – теперь уже можно и поговорить. Для начала познакомимся. Я Салливан фон Элликот. Однако, учитывая обстоятельства, оставим этикет

и субординацию. Здесь, сегодня – можешь обращаться ко мне просто по имени.

Джастин, задумавшись, отвел глаза.

Обстоятельства значит. Может и правда – некоторые из дворян не лишены совести. И все это радушие, вымученная доброта и щедрость – есть просто запоздалое раскаяние. Интересно, чего он хочет...

– Зовут меня Джастин. И я хочу еще раз поблагодарить вас, сир. За еду, за доброту, за спасение. Я...

Он вдруг замолчал. Сдержался. Хотя всплывающие в памяти кошмары, требовали продолжить. Фон Элликот заметил это. Заметил – потому, что подобного ожидал.

– Продолжай... Джастин. И обращай на ты. И не утаивай того, что рвется наружу. Ибо, как ты справедливо заметил – я добр. Особенно теперь.

«Я всегда верил, что небесные – люди чести!» – хотел выпалить Джастин. Но сдержался снова. Сейчас эти слова, еще недавно произносимые с запалом, жаром и благоговением, были бы просто перепачканы сарказмом. Звучали бы горькой насмешкой. А насмеяться над рыцарем неба – было неблагодарно. Даже теперь, когда воспеваемые честь и достоинство ордена были попорчены.

– Простите за то, что замарал саботоны. Некрасиво получилось. Переел картошки с тутошних огородов. А от сырой картошки, да с голодухи, да по лесу побегав...

Салливан задумчиво накручивал пышные усы на палец.

– Значит, гнали тебя вроде как за воровство? Не за мундир? Не вознаграждения ради?

Джастин потер заросшую, грязную щеку не менее грязной рукой.

– Ну, одно то другому не мешает. Так мне думается. А вообще, мне важнее то, что так и не догнали. Благодаря вам. Хотя... было то их около дюжины. Так что... при всем уважении конечно...

Рыцарь понимающе усмехнулся. Стало ясно, что напряжение последних минут несколько спало.

– Ты – солдат, Джастин. И рассуждаешь как настоящий, хорошо вымуштрованный солдат. Что ж они, должны были меня в кольцо взять? Или лучше фалангой выстроиться, со своими... гхм... кольями? Да даже если бы у них ума и сноровки хватило бы, все равно пара-тройка там бы остались. И это не считая покалеченных. Ну и на что им такая победа? Трофеи – трофеями, но ведь заранее не знаешь, кто именно ляжет.

– Да... заранее и не знаешь.

Джастин посмурнел, глядя прямо перед собой. Салливан еле слышно вздохнул. Механически передвинул прутик с жарящейся крольчатинной. Стараясь поймать взгляд собеседника – тихо спросил:

– Трудно было?

Должно быть, что-то в тоне рыцаря удержало Джастина от резкого ответа. В глубоком, хрипловатом голосе слыша-

лось сочувствие и сдерживаемое любопытство. Слегка потрескивал огонь. Легкий ветер шумел высоко в кронах деревьев.

– По-разному...

Услышал он свой, немного изменившийся голос. Тихонько откашлялся.

– Бывало по-разному.

– Ррота становись! Рровняйсь! Аатставить. Рравняйсь, смирно! Я – капитан Ботрайт. Ррад приветствовать пополнение от графа Гастмана. Его Светлость всегда поставляет людей достойных. Должным образом отобранных, экипированных и подготовленных. Хотя по вам то и не скажешь! Ну что, сынки? Бриться то хоть начали? А жопы то подтираете самостоятельно?! И спрашиваю, между прочим, не просто так! Вся штука в том...

Стоящие в отдалении, на высокой зубчатой стене, стражники обменялись понимающими ухмылками. Один из них украдкой жевал яблоко. Командования поблизости не было, поэтому можно было позволить себе такие вольности, как еда и разговоры на посту.

– Слышь, Джастин? Как развопился то? Вся штука в тооом... Хе-хе. В чем вся штука, пара самых смазливых может еще и узнают. Хе-хе

Джастин хмыкнул.

– Это ты зря. Орет, конечно, забавно. И да, жопы – его любимая тема. Но поддержание чистоты – штука сильно важная. Ботрайт, между прочим, фор-дримский мор пережил. А кто-то говорит, что и остановил. Он...

– Да лаадно тебе. Ты ж вроде мужик умный, граамотный даже. А в подобную чушь веришь. Да причем тут мор и, извиняюсь, говно? В Фор-дриме тогда храмы жгли да жрецов вешали. Вот тебе и вся недолга. Богов злишь – от чумы по-

мираешь. Каждый ребенок знает.

Джастин вздохнул. Переубеждать сослуживцев он уже давно не пытался. За пол года, проведенные им в гарнизоне Дурн-фар, навидался и наслушался всякого. Местный контингент, по неизвестной Джастину причине, в большинстве своем состоял из бывших крестьян. Мобилизованные, то есть попросту согнанные, в годы «Голодных войн», они так и остались в цветах своих хозяев. А так же – за их столом. Что для людей, знающих о голоде не понаслышке, было по-настоящему важно. С тех пор прошло уже почти два десятка лет, а прикормленные в свое время крестьяне – давно превратились в настоящих солдат. Но, как говорится, кровь не водица. И Джастину, солдату потомственному и потому относительно образованному, приходилось мириться с царившими здесь нравами и порядками.

– Да. Разумеется. Капитан действительно малость сдвинулся на почве пережитого. Но тебе-то переживать нечего. В гарнизоне полно баранов, чьи задницы менее шерстисты, и потому более привлекательны, чем твоя, Марлон.

Марлон хрипло рассмеялся. Он, и правда, был на удивление волосат. Широкие курчавые брови, сросшиеся посередине и жесткая, угольно-черная щетина, начинавшая расти чуть ли не под глазами – были только вершиной айсберга. Под начищенной бригантиной Марлона скрывался самый настоящий мех, длиной не меньше дюйма. Что вместе с огромными мосластыми ручищами и широким, тяжелым

подбородком делало его больше похожим на лешего, чем на человека. Но военная форма и солдатская выправка, как и в большинстве подобных случаев, несколько исправляли положение. Тем временем, капитан Ботрайт закончил приветствовать пополнение и распустил строй. Пока местные десятники разводили вновь прибывших по казармам, к двум болтающим стражникам подошел третий.

– Ну как вам? Видели, орлы какие?

Задавший вопрос мужчина был невысок, толстоват и совершенно лыс. Его кислая мина и тон ясно давали понять, что восторг, мягко говоря, не был искренним. Но это не помешало Марлону принять все за чистую монету. Как обычно.

– Да хорош заливать то, Сэми! Это ж почти мальчишки. Вон тому, смотри, кольчуга чуть не по щиколотки. И шлем – как шляпка на подосиновике сидит. Кхм... к слову о кольчуге то...

– Оно тебе надо, а? Вот прям далась тебе эта кольчуга. Ты за своей лучше смотри, ты...

– Ааа ну тебя. Ты, смотрю, менять меня пришел. Так и меняй. Не тринди попусту. Пошел я.

Закинув тяжелый арбалет на плечо, Марлон брезгливо отмахнулся от брюзжащего Сэма и потрусил вниз по лестнице. Спустившись по протертым каменным ступеням, быстрым шагом направился за удаляющейся группой новобранцев. Немного посопев, Сэм проворчал.

– Вот ведь делать нечего. Образина лохматая. Я тут, меж-

ду прочим, на вечер планы обсудить хотел, а он убёг. Ну вот и хрен с ним. Нам больше достанется. Я тут флягу первача достал. Такой, что просто ууу... С вас только пожевать чего...

Джастин вопросительно приподнял бровь.

– Достал, значит? Вот что-то мне подсказывает – кто-то при этом потерял.

– Да ладно, чего ты?! Яж для всех, для дела...

– Все я понимаю, Сэм. Вот только действовать предпочитаю тоньше. И даже Марлон, пусть и простоват, меня в этом поддерживает. Бывай.

Идущий навстречу сменщик приветственно кивнул и выразительно посмотрел на собирающиеся, угрожающе-темные тучи. Джастин кивнул в ответ и пожал плечами, мол, ничего не поделаешь, служба. Пост, с которого он только что сменился, находился между второй и третьей северными башнями. На вершине старой, выветренной и местами осыпающейся крепостной стены. Небольшой пяточок там был вымощен крепкими сосновыми досками. Навес, лишь немного выступающий за край стены, был не лучшей защитой от собирающегося дождя. А уж от пронизывающего ветра на вершине стены и вовсе защищала только казенная одёжка, да мечты о подогретом пиве, ждущем в общей кухне. Именно на кухню Джастин и направлялся. Знакомо скрипнула тяжелая, окованная железом дверь. В лицо пахнуло теплом, ароматами лука, специй и жарящегося мяса. Над огром-

ным вытянутым очагом шипела и потрескивала целая баранья туша на вертеле. Седоватый мужчина, проверявший степень готовности двузубой вилкой, неприязненно посмотрел в сторону двери. На сухощавом морщинистом лице аскета мелькнуло узнавание. Грозно сдвинутые брови немного расслабились.

– Райт! Ра-а-айт! Он в подсобке. Сейчас выйдет. Да стой там, не топчи мне тут.

Джастин кивнул, не отводя взгляда от медленно поворачивающейся бараньей туши.

– Понял. Стою тут, не топчу вам там. Смотрю, сегодня жаркое, мистер Лоулер?

– Ага... жаркое. Из наглой, треснувшей хари. А это для господ. Хотя, думаю, что-то и вам на похлебку пушу. А вообще, сегодня свинина. Как обычно. То есть умершая своей смертью, от старости, пару лет назад.

Джастин глубоко вздохнул. А старший по гарнизонной кухне продолжал:

– И ладно бы еще, по доброму куску – каждому. Так нет. Вываривай эту сушеную дохлятину на сто пятьдесят человек. Хотя, может оно и к лучшему. Вкус перловки не портит.

– Да ладно вам, мистер Лоулер, скромничать. Вы ведь и из стоптанных подметок можете рагу исполнить.

Весело выкрикнул выходящий из подсобки парень. Райт был розовощек, кудряв и весел. Как всегда. Стремительно пересекая кухню, он подмигнул Джастину и сделал харак-

терный жест рукой, мол, все по плану.

– Ребята овощи дочищают, уж почти закончили. Бобы варятся, Мелкий проследит за котлами. Я пойду, а?

Морщинистый сморщился еще больше. Выражение его лица было красноречивее любых слов.

– Понял. Замолчал, убежал. До завтра.

Райт куницей выскользнул с кухни, вытащив за собой Джастина, влюбленными глазами пялившегося на жареного барана. Смеркалось. На улице становилось все прохладнее. Темно синие тучи понемногу чернели. Дул свежий северный ветер. По дорожке, мощенной новыми сосновыми досками, они торопливо миновали загоны для скота, прошли сквозь украшенную полуразвалившимися барельефами арку, поднялись по выкрошившейся каменной лестнице и скрылись в темноватом, низком коридоре. Проходя мимо, кивнули высокому сутулому стражнику, рассеянно наблюдавшему за мошкаррой, кружившей вокруг коптящего факела. Стражник никак не отреагировал. Либо был целиком поглощен зрелищем, либо просто спал. Как с ним порой случалось – стоя. Дойдя до конца коридора, Джастин пошарил рукой в щербатой каменной кладке. Свет факела сюда практически не доставал, но он без труда нащупал нужную выемку. Извлек оттуда длинный черный ключ. Чуть слышно шелкнул хорошо смазанный замок. Узкая, крепко сбитая дверь легко отворилась, пропуская озябших мужчин внутрь.

– Ффух... Еле донес. Чуть по дороге не растерял. Ой, по-

мялись немного. Ну ничего, пойдет.

С этими словами Райт вытряхивал из-за пазухи прямо на койку вареную картошку, редьку, немного потрескавшиеся вареные яйца и внушительных размеров, многообещающе промасленный сверток. По комнате сразу пошел очень заманчивый запах жареного мяса. Джастин прикрыл дверь, задвинул широкий, крепкий засов. Слегка нахмурившись, посмотрел на товарища. Осуждающе цокнул языком.

– Ну что такое? Аааа...

Райт быстро переложил все принесенное на низенький, потемневший от времени стол. С извиняющимся видом отряхнул чужую койку и уселся на табурет, явно ожидая похвалы. Джастин снял с головы начищенный до блеска морион с высоким гребнем, распустил ремешки кирасы. С привычным чувством облегчения повесил тяжелую амуницию на стойки. Глубоко вздохнул, потянулся.

– Да молодец, молодец, Райт. Как всегда. Вот только...

Раздался робкий, неуверенный стук в дверь. Друзья переглянулись. Джастин кивнул, скорее сам себе, и не спеша отодвинул массивный засов. За дверью оказался молодой, лет восемнадцати, парень с ежиком светлых волос и чуть блестящими глазами.

– Эмм... Тут такое дело... Меня послали... Послал...

Джастин равнодушно хмыкнул. И продолжил с легкой улыбкой.

– Ну, всякое бывает. Но ты, друг, не унывай. Все мы где-

то да нужны. И ты свое место найдешь, если еще малость поищешь.

Он сделал вид, что закрывает дверь. Паренек залепетал еще более высоким голосом, но на этот раз более связно.

– Меня за вами Марлон послал. Сказал – привести, как бы ни вырывался. Ну, это он того, шутил как бы. Вот.

Джастин пожал плечами, оглянулся на Райта, улыбающегося еще сильнее обычного. Ему и самому стоило немалых усилий сохранять серьезное выражение лица.

– И как же это ты понял, что послали тебя именно за мной? Мм?

Светловолосый парень замялся, потупил глаза, вымучено улыбнулся.

– Марлон сказал – ученых речей за столом не хватает, так что, самого умного веди. Вот. Сказал – как увижу, мол, сразу пойму. А как услышу, так и вовсе... сам умнее сделаюсь.

Джастин понимающе кивнул. Сделал знак Райту собираться. На безмолвные возражения того, ответил тоже жестом. И взглядом. Выразительным взглядом на заветный сверток. На улице уже стемнело. Холодный, морозящий дождь и порывистый ветер только подчеркивали тепло и уют хорошо прогретой, освещенной десятком светильников, казармы. В продолговатом узком зале вдоль стен помещались два ряда узких коек. По пятнадцать в каждом. В самом конце зала, под уцелевшим каким-то чудом, старинным витражом, обосновалась умеренно шумная разношерстная компания.

Правда, для неискушенного наблюдателя эти люди показались бы чуть ли не одинаковыми. Но наметанный глаз Джастина сразу выделил несколько особ, резко выделяющихся на общем фоне. Справа у стены сидел в окружении восторженных слушателей Марлон. Хрипловатым, глубоким басом вещая, судя по взрывам хохота, что-то презабавное. Чуть левее, за крепким деревянным столом, резались в карты четверо мужчин. Судя по виду – бывалых, тертых вояк, лет тридцати пяти-сорока. Ну а на крайней левой койке мирно похрапывало тело. Судя по мощности храпа и ширине спины – породистый бык осеменитель. На скрип открываемой двери несколько человек обернулись. В том числе и Марлон.

– О-о-о, ну наконец-то! А то с последних сил уже отговариваюсь. С политики, понимаешь, на сиськи с жопами разговор перевожу. Но теперь то, ребята, вумный человек вам расскажет, почему вы тут, а мы здесь. Иди скорее, милый друг Джастин. И ты тож, Райт, не мнись. А то, смотрю, аж побледнел от скромности бедолага.

Два десятка молодых парней, окруживших Марлона, в очередной раз залились смехом. Их можно было понять. Стеснительный сверх меры Райт, обычно краснощекий, приобрел цвет вареной свеклы. А Джастин, в свою очередь, повел себя уверенно, по-хозяйски. Решительным шагом пересекая зал кивнул картежникам, взглядом и нюхом определил истинный источник веселья и уселся на освобожденное место, прямо напротив Марлона.

– Ну что ж, доблестные соратники... Угощайте, коли по-звали. И продолжайте, продолжайте свой ученый диспут о задницах, ну а я, как говорится, подхвачу.

Две оплетенные пузатые бутылки вновь пустились по кругу. Немного успокоившийся Райт, к радости своей ускользнувший от общего внимания, неувловимым движением выложил на пару табуретов, служивших столом, свою драгоценную ношу. Момента появления достойной закуски не заметил почти никто, но все отметили отменный запах, расходящийся от нарезанной тонкими ломтиками баранины. Разговор же, вопреки ожиданиям, пошел вовсе не о задницах. Хотя присмотревшись, Джастин заметил, что половина новобранцев уже под хмельком. А значит не так удивительно, что начали всплывать темы, все более далекие от их привычных интересов.

– Значится так... Раз Гастман в такое время расщедрился на пополнение, да еще вон какое...

Марлона опять прервал общий хохот. Кто-то смеялся, понимая шутку, кто-то, польщенный высокой оценкой бывалого солдата.

– Зна-ачит хозяева чегой-то затевают. И по моим соображениям – графья снова вдарят на львов.

– Или сами львы вдарят. – Как бы между делом предположил Джастин. Сделав солидный глоток из проходящей мимо бутылки, продолжил. – Дурн-фару, и правда, случилось быть перевалочной базой, на пути в земли Хертсема. Но не ре-

же бывало обратное. Удерживать немногочисленные проходимые дороги, особенно теперь, когда закончилась весенняя распутица... Возможно именно в этом ваша цель. Наша-то, точно в этом.

– Ну не знаю, не знаю... Это ж как то странно получается. Ни с того ни с сего – и нападут? Все, вроде, спокойно было. С лигой торгуем, все чин по чину...

– Все чин по чину...

Передразнил одного, почти лысого парня, другой. Похожий на него, как две капли воды.

– А то, что у небесных такой бардак, ничего и не значит?

– Да причем здесь рыцари то? Во приплел! Они ж к графьям, отношения то почитай и не имеют. Не подчиняются, значит. Эт мы – армия. Это мы – сила.

Половины сидящих в зале расхохотались. Другая половина – нет. Джастин лишь ухмыльнулся. Подмигнул Марлону и начал:

– Вы оба отчасти правы. С одной стороны, орден рыцарей неба не подчиняется феодалам. С другой – небесные уже лет двадцать традиционно выступают на стороне Хертсема. А значит – ослабление ордена не может не повлиять на баланс сил, между феодалами-наместниками и лайонелитами.

– Между графьями и железными львами, значит.

С миной мудреца пояснил Марлон. Пояснил, как оказалось, не зря. Несколько лиц, до того выражавших некоторую озабоченность, успокоились, понимающе закивали.

– У благородных то людей много. Наша сотня – одна рота. А еще таких с десяток, только под Карданом набрали. Сам видел. И командир говорил, мол, зеленых много, но и битых тоже хватает.

Некоторые одобрительно закивали. А рыжий, конопатый паренек продолжил.

– И вот, что мне думается... Коли нас так много, то может и правда, даже без рыцарев – силы хватит. Хватит что бы того, ну, неприятеля то отбить. А может и вовсе... ну, добить, значит.

Марлон насмешливо хмыкнул, смерил взглядом конопатого парня, тот потупился, уставился в пол.

– Вы, ребятишки, конечно вояки грозные. Спору нет. Особенно, если десять рот по сотне и так далее.

Говоря это, он продолжал править кольчугу. Обухом небольшого, крепкого ножа и своими косматыми ручищами, ловко разгибал металлические колечки и соединял их поновому. Худой, большеглазый паренек, замеченный Марлоном с крепостной стены, сидел рядом и внимательно слушал. У него на коленях лежал большой потемневший шлем, еще недавно делавший своего владельца похожим на живой гриб. В правом кулаке у юнца была зажата тряпочка, вымазанная в полировочной пасте. Однако новобранец, судя по всему, забыл и о ней, и о шлеме, и, разинув рот, слушал Марлона.

– Куча народу – это, конечно, хорошо. Особенно ежели надо харчи казенные пожрать или окрестности лагеря густо

загадать. Вот с этим-то вы, brave вояки, сами управитесь. Пожалуй, даже лучше рыцарей. А вот если... Да даже не если, а когда, придется вражьи конников на пики принимать или же сутки напролет крепостные стены оборонять... Вот тогда сразу и поймете, что землю то пахать – не так уж сложно было. Когда супротив строя головорезов потомственных, в железо закованных, выстроитесь – тогда уразумеете, что неплохо было бы и со своей стороны таких иметь. А ведь рыцари, помимо того, что бы на дорогущих конях разъезжать, да шелка с золотом носить – еще и биться обучены. Да как обучены! Не то, что вы. С какого конца пика колет выяснили, да лево-право шагать почти научились. Хех.

Марлон закончил править кольчугу, встал, слегка повел могучими плечами. Паренек со шлемом на коленях опомнился и принялся яростно полировать тусклое железо.

– Да молодец, молодец, Берти. Вижу – стараешься. Встань-ка, давай прикинем.

Берти отложил шлем и поднялся, застенчиво улыбаясь. Взял из рук Марлона кольчугу, со второй попытки, путаясь в рукавах, все-таки надел. Подвигал тощими, острыми плечами, потянулся, попробовал прыгать.

– Ну вот! Совсем другое дело. Золотые руки и зоркий глаз – не зря меня любят женщины и боги. – Скромно оценил свою работу Марлон.

Нестройный хор одобрительных возгласов подтвердил

высокую оценку мастера и достойный результат. Джастин одобритительно кивнул. Для него не было открытием, что грозный с виду Марлон, на самом деле добряк, каких поискать. И всегда готов прийти на выручку. Рыжий вихрастый парень беспокойно поерзал на месте.

– Кольчужку то поправили – что надо. Спору нет. Но про армию то, про армию... Мы, может, бойцы не очень. И опыта недостает, да может и весу. Но ведь не мы одни то графьям служим. Есть же и дядьки тертые, бывалые. Как вы, например. Или наши старшие товарищи из-под Кардана.

Он кивком головы указал на стол, где негромко переругивались картежники.

– Так вот, такие поболее знают да умеют, чем налево шагать, когда направо велено.

Марлон бессильно развел руками, открыл было рот, что бы возразить, но передумал. Указав рукой на Джастина устало пробурчал:

– Вон, человек сидит, к бутылки присосался, так вот все вопросы к нему. Умный, можно сказать – ученый. Пусть разъяснит. А я пока бутылку то подержу, давай, просвети молодых.

Джастин пожал плечами, сделал еще глоток и нехотя расстался с бутылкой.

– Тут и разъяснить нечего. Снова оба правы. Да, крестьянин, прослуживший много лет и переживший десятки сражений, штурмов и мелких стычек – уже и не крестьянин во-

все. Марлон и ему подобные – уже давно настоящие солдаты, со всеми вытекающими. Да и потомственные солдаты, вроде меня, в Бирне встречаются не редко. Но это вовсе не мешает рыцарям, в том числе независимым орденам, оставаться главенствующей силой в стране. И если вы, друзья, опустите глаза на свои грудь да пузо, то помимо пятен жира и присохших козявок разглядите белые и синие полосы. Точь-в-точь такие, как на плащах и штандартах небесных. И это вовсе не потому, что рыцари столь высоко ценят графа Гастмана. Скорее уж сам граф, не нынешний, а еще его отец, в знак уважения и признания заслуг ордена – стал подражать их форме. И одел свою личную гвардию в их цвета. А потом уж и все подразделения Кардана оделись под стать.

Джастин откашлялся, отправил в рот очередной кусок барины и, пережевывая, оглядел слушателей.

– И вот еще, что добавлю. Все вы наверняка слышали, о славных подвигах и великих сражениях рыцарей неба. И за всеми этими делами, скрываются сотни и тысячи жизней. Жизней врагов – поверженных на бесчисленных полях сражений. И жизней союзников – спасенных вовремя нанесенными ударами.

Марлон кивнул головой и поддержал:

– Во-во! Я-то не только слышал, но и видел. В смысле подвиги да сражения. Дело было в Ниме, семь лет назад. Граф, тогда еще молодой и неопытный, оказался запертым между войсками лиги и силами львов. Вынужден был отступить

за стены города. За ним, через каменный брод, последовал и неприятель. Ним окружили, взяли в осаду. Кто видел тамошние стены – поймут, штурмовать их дело неблагоприятное. И все-таки штурмовали. Пять раз за все время. Мы отбивались довольно успешно, даже когда подтянулись осадные машины. Но когда дожрали последних баранов... а за ними собак, кошек, крыс... дошло даже до ремней с вожжами. В общем, солдат с графом было около двух тысяч, а голодных людишек-то в Ниме – почитай тысяч тридцать. И уж недалеко было до бунта. Уже ходили слухи, что коли ворота львам отворить – то гражданским никто зла не сделает. Хах! Гребаные идиоты. Но, слава богам и лорду Фрейзеру, подоспела подмога. Два корпуса небесных, ударили под утро пятьдесят четвертого дня осады. Прорвались за укрепления львов и ввязались в ожесточенный бой. Как только малость рассвело и стало ясно, кто кого колотит, мы бросились на помощь полосатым плащам. Хотя, скорее поковыляли... Голод выматывает не хуже марша. Но как бы там ни было – враг был опрокинут. Разрозненные части в суматохе бежали обратно через каменный брод. В то утро был спасен Ним, молодой граф Гастман и я. За что честь и хвала небесным. Это не единственный случай, за двадцать лет службы, когда я дрался бок обок с ними. И уж поверьте – в бою эти мужики доказывают, что не зря так задирают нос. Один небесный – стоит пяти тяжелых всадников. А уж если сравнивать с вами – то и не меньше дюжины.

Последнее Марлон выкрикнул со смешком, чтобы никого не обидеть. Но, судя по ответному хохоту, никто и не думал обижаться. Джастин подтолкнул притихшего Райта в бок, желая убедиться, не загрустил ли самый робкий из его приятелей. Обычно, улыбчивый и находчивый поваренок – терялся и мрачнел, когда речь заходила о войнах, сражениях и подобных, мрачных перспективах

– Знайте, что-то тут многовато рассуждений о политике, войнах и прочих неприятных непонятностях.

Подал голос из-за карточного стола приземистый бородач. Несмотря на грубоватую внешность, говорил он на удивление высоким, чистым голосом.

– Молодые, я вижу, представляют себе службу, как непрерывные драчки, войнушки и всякие поодвиги да опасности. А ваши мудреные речи, уважаемый родовитый солдат, только больше смущают ету боевитую голытьбу. Уж лучше поведали б о вещах насущных. О кормежке тутошной, о начальниках, злобных и не очень, о порядках, касательно поила да... хе-хе... баб.

Джастин одобрительно хмыкнул. На подначки о его происхождении и образовании он не реагировал уже довольно давно, а тон и мина бородача выражали дружелюбие и заинтересованность.

– Ты прав, приятель. Что-то мы увлеклись... А между тем, военное ремесло на девять десятых состоит из вполне мирных составляющих. Если по порядку, то кормят тут неплохо,

грубовато, зато регулярно и обильно. Мистер Лоулер, старший по гарнизонной кухне, может и самые убогие харчи сделать вполне съедобными. За то и пользуется всеобщим уважением. Кстати, помогает ему в нелегком деле присутствующий здесь Райт. Помаша ребятам, не стесняйся. И если кого интересует, можно попроситься в наряд по кухне, а уж если приглянетесь мистеру Лоулеру, то будете значительно ближе к еде и дальше от сквозняков ночных караулов. Хотя, мы и так не сильно-то напрягались на постах. Может часов по пять в день на стене или еще где проводили. А уж с прибытием вашей сотни, или сколько вас там, работы и вовсе поубавится. Это, конечно, пока все тихо.

Джастин на секунду замолчал, но пока разговор вновь не ушел в прежнее русло, продолжил.

– Командиры – люди разумные. В смысле, служить не мешают. Спят себе, пьянствуют да в кости играют. Правда, капитан Ботрайт, командующий гарнизоном, ну вы его видели...

– Ага, видели! Этот, про дерьмо с жопами который...

Подавал голос один из новобранцев. Патлатый, густо покрытый прыщами и струпьями. Когда он открыл рот ощутимо повеяло кислой капустой и дохлыми кошками.

– Прицепился ко мне, понимаешь. Чего волосатый такой, зачем видом и запахом мух приманиваю? И че хотел...

Джастин, взявший было очередной кусок баранины, передумал и положил обратно.

– Хотел он, думаю, что бы ты космы свои обрезал, да речку Атиль переплыл пару раз. Можно даже не раздеваясь. И затягивать с этим не советую. Капитан пристально следит за тем, что бы его распоряжения выполнялись. И желательно еще до того, как распорядится. Во-о-от. Относительно всякого пьянства и разврата, он тоже довольно строг. Так что, коли попался, напился там или в ближайшую деревушку к девкам бегал, то берегиись. Но стоит отдать капитану должное – он особо то и не ловит. Если делать все красиво, осторожно, не наглеть, то можно очень даже прилично жить. И выпивать и отдыхать возможностей хватает. Но, вы больно-то не радуйтесь. У нас-то с вами служба разная. Мы – постоянные обитатели крепости. Вы, вероятнее всего, временное пополнение. А уж для чего вы здесь и надолго ли – только богам да отцам командирам известно. И ни те, ни другие делиться планами не спешат. А мы об этом уже достаточно фантазировали.

Все согласно закивали, мол, и правда достаточно.

– А расскажите-ка мне ребята, – негромко прохрипел Марлон, – что это за великан на угловой койке притаился. Судя по могучему храпу – не иначе как плод любви великана и медведицы.

Собравшиеся подтвердили предположение кивками и усмешками.

– И более того, – добавил высоким голосом бородатый, – зачали его, когда медведица в глубокой спячке прибывала.

Джастин пожал плечами, предположил:

– А может, просто у человека совесть чиста, вот и спит себе спокойно.

Вокруг захохотали и зашумели, давая понять тем самым, что чистая совесть не ограждает сон от помех подобного рода.

– Ну ладно, ладно! – Усмехнувшись, поднял руки Марлон. – Скажите же, что за чудо. Где вербовщики графа откопали такого и есть ли там еще. Так как уверен, хоть и видел его только лежа, что подобная громадина будет довольно полезной. Хотя бы видом своим неприятеля отпугивать.

– Или просто храпом!

Вставил кто-то, породив очередной взрыв хохота. Худощавый паренек, Берти, так и сидящий в кольчуге, подогнанной по размеру Марлоном, робко пояснил.

– Вообще он мужик что надо. Но из-за размера и немножко... жутковатого лица, Бенджамина считают бесноватым или юродивым. У него от рождения левый глаз дергается. А правый смотрит малость не прямо. Да и один побольше другого. Но сам-то он нормальный, добрый, лошадей любит.

Берти смущенно затих, не зная, что добавить.

– Лошадей любит... Жрать штоли?! Целиком проглатывать?

Марлон сам заржал как взбесившийся мерин, неистово лупя себя по колену волосатой пятерней. Таким образом, разговор плавно перешел с Бенджамина на различные га-

строномические изыски. Потом на вино, пиво и вообще все, что может влить в себя страдающий от жажды солдат. Незлым тихим словом помянули человека, стащившего у одного из новобранцев полную флягу отличного первача. Причем Джастин и Марлон активно подогревали негодование публики, в душе посмеиваясь над жадноватым вором. Но как бы весело не было, нашим приятелям давно было пора на боковую. Да к тому же и бутылки уже опустели... И вообще...

– И вообще, – поддержал предложение Джастина, Марлон, – в гостях хорошо, а дома лучше. Ведь мы-то не теснимся по сорок человек в казарме, а культурно размещаемся в отдельных залах.

Марлон еще долго хохотал над собственной шуткой. И дело было не столько в шутке или выпитом вине, сколько в нем самом. На самом деле, старый солдат немного приврал. По армейским меркам – действительно самую малость. Постоянные обитатели Дурн-фара жили в комнатах по четыре человека. А именно в их комнате даже был небольшой камин. Именно вокруг него друзья и развесили свои промокшие портки, сапоги и прочие, вымокшие насквозь, вещи. То есть – все вещи. Так как на улице бушевал такой ливень, причем из-за сильного, порывистого ветра хлещущий со всех сторон, что впору было отращивать жабры. Именно так и выразился Райт, промолчавший почти весь вечер, а теперь, оказавшись в привычной обстановке, снова посмелев-

ший и улыбающийся.

– И чего же ты тогда лыбишься? Того и гляди – харя треснет.

Кисло пробурчал Сэми, так же греющийся у очага в одних подштанниках. Его дежурство недавно закончилось, и он тоже промок до нитки. Сидя на низком табурете, смешно нахохлившись и сложив руки на дряблом бледном животе, он обиженно посматривал на соседей.

– Ничего у меня не треснет, – беззлобно возразил Райт. – Я ведь натренированный. Постоянно улыбаюсь. А вот если ты вдруг попробуешь, то твои пухлые щеки, а заодно и все подбородки, окажутся в опасности. Поэтому на, смажь, чтоб не потрескались.

Он протянул Сэму небольшой сверток, из которого выглядывали пара оставшихся кусочков жирной баранины и ломоть хлеба. Толстяк царственным жестом принял подношение, надменно кивнул, словно вельможа, принимающий положенные почести, и принялся за еду.

– Вот всегда знал, – роняя изо рта крошки начал он, – что есть на свете и хорошие люди. Не часто встречаются, правда. – Сэми кинул выразительный взгляд на Джастина, – Но, уж если нашел такого – надо обеими руками держаться. Поддерживать, помогать... угощать там всяким.

В это время он картинным жестом извлёк из-под матраса овальную флягу в матерчатом чехле. Улыбка Райта сделалась еще шире.

– О-о-о, дружище! Ну, очень приятно слышать, что тебя любят и ценят. Да, ты прав, я хороший человек и готов разделить с тобой...

– Чаво?! – Театрально удивился толстяк. – Хороший – это я! Но и ты, тоже ничего, потому как понимаешь, что за меня надо держаться и угощать. Ну и поддерживать и все такое...

Сэм открутил крышку и, манерно оттопырив мизинчик, отсалютовал флягой в пространство. Сделал добрый глоток. Поперхнулся, захрипел, закашлялся так, что слезы выступили из глаз.

– Черт возьми, бежим! Оно сейчас лопнет!

Завопил, все еще необычно веселый, Марлон. Но глядя на страдающего товарища, все-таки решил помочь. Принялся усердно хлопать толстяка по спине, настолько усердно, что по дряблой туше Сэма побежали внушительные волны.

– А-а-а мать твою! Что творишь, верзила?! Да отстань же ты, уже все. Люди, держите...

Марлон перестал лупцевать несчастного. Потому, что уже не мог стоять, так дико хохотал. Рядом с очагом Райт и Джастин тоже не успевали вдохнуть, между взрывами смеха.

– Ну ладно, ладно. Перестаньте, – утирая слезы просипел Джастин, – хватит уже. Шумные вы сегодня. Все же ночь на дворе. Не злись, Сэми. Он правда помочь хотел, ты же знаешь. Просто не расщитал малость со своими лапами.

Сэм хмуро глянул на него, растирая ярко-красные следы ладоней на теле.

– Да на дураков то не обижаются. Но в следующий раз ка-а-ак...

Он с силой толкнул пытающегося отдышаться Марлона в плечо. Крепыш практически не пошевелился. По пояс голый, широкоплечий, с тугими узлами мышц и многочисленными шрамами, светлыми тропинками пересекающими его косматое тело. В сравнении с Сэмом он был как матерый дикий кабан рядом с заплывшей жиром, бледной свиньей.

– Да прости, Сэми, – пробасил, вроде даже смущенно, Марлон, – увлекся чутка. Ты ж помирал, а я спасать тебя кинулся.

– Единственный из присутствующих, между прочим.

Метко подметил Райт. Джастин согласно кивнул и протянул толстяку руку. Сэм неуверенно протянул свою, ожидая рукопожатия. Но вдруг заметил, куда смотрит товарищ.

– А-а-а... Да возьми. Жалкие, корыстные людишки.

Джастин принял протянутую флягу. Отхлебнул. Заговорщически подмигнул Марлону.

– Не-е-е... Пейте сами. Этой фляги, между прочим, и не хватило за столом. Негоже так, у своих-то...

Райт неопределенно пожал плечами, в свою очередь делая глоток.

– Да что вы так с ними возитесь?! – возмутился, глядя в тускло-оранжевое пламя камина, Сэм. – В перевалочных лагерях с ними никто не цацкался. Есть что хорошее – делись! А не хочешь – получи по шее! И так всегда. И это нор-

мально. Традиция, мать ее так.

– Херовая традиция. – Бросил Марлон. – Глупая.

– Это гляньтеж какой вумник выискался, – передразнил Сэм, – больше всех знаешь, небось. Больше всех понимаешь.

– Полагаю, – кашлянув, вставил Джастин, – он имел в виду различия в службе мирной, так сказать показной, и службе реальной, нашей. Недальновидно шпынять и угнетать человека, который завтра может оказаться с тобой в бою. За спиной, да с арбалетом.

Сэм строил максимально скептическую мину. Даже изобразил губами звук пускаемых ветров.

– Да ладно, дружище, не смейся. Или не пугай, как тебе угодно. Не воевать нам завтра. И послезавтра тоже не воевать. Вообще, на нашем веку может и не случиться. Я вот, уж шесть лет как на службе, а все о битвах тока слышал.

– И все ж не зарекайся... – угрюмо пробасил Марлон. – Ибо то не от нас зависит. Я вот, для примера, навидаться успел. И в последние шесть лет – тоже.

– Ну, значит такой ты дико везучий. Любимец богов! И женщин...

Договаривая всем известную присказку Марлона, голос Сэма немного переменился. Поутих, потускнел... Затихли все.

– Я не боюсь. Вы знаете, – продолжил он тише, – что нам платят не за мир. Нас кормят, в ожидании драки.

– Успеется.

Перебил здоровяк, тоном значительно более беспечным, чем можно было ожидать.

– А теперь давай сюда флягу. Может хоть меньше тебе достанется.

– Ага, подлецу и негодя-я-яю!

Шутливо поддержал Сэм, окончательно разрядив обстановку. Фляга бодрее пошла по кругу. Пили все. Несмотря на разницу во взглядах, они были почти друзьями.

– Вот скажи ты, Джастин. Как самый умный, – вроде бы с усмешкой, но в то же время с явным интересом спросил Сэми, – Чего нам этих молокососов пригнали? Правда ждать чего? Или они просто мимо идут. А если мимо, то куда? И не одной сотней же?

– Во-во, – поддакнул Райт, несколько нервно потирая руки, – Там, в казарме то, ты много чего наговорил. Только я вот так и не понял, ждать или не ждать. Про рыцарей, про силы всякие и политику – не надо. Тебе оно все, небось, понятней. Вот и скажи по простому.

Марлон выжидательно посмотрел на Джастина, показывая взглядом, что тоже не прочь послушать.

– Как я и говорил, – начал тот, – наверняка сказать сложно. Проблемы небесных – можно считать и нашими. Но в последнее время отношения с лигой заметно потеплели. Львы, если их не науськивают жадные купчишки, тоже вроде не лезут. К тому же, на границе с Леммасом сейчас спокойно. В такой ситуации лайонелиты не пойдут против нас. Ведь

оставить границу – неоправданный риск, а воевать на два фронта – себе дороже. Я, конечно, не знаю ни численности их, ни тем более намерений... Думаю, усиление такого стратегически важного форта как наш, может быть простой предосторожностью. Так что не будет драки. По крайней мере, не теперь...

– Станови-и-и-сь! Бегом! Живо, живо!

Оглушительный, командный рев капитана Ботрайта не перекрывал даже тревожный бой сигнального колокола. По древней, местами утопленной в землю брусчатке метались люди. С верхней площадки сторожевой башни, находящейся прямо над аркой ворот, все они были похожи на снующих по поверхности пруда водомерок. Джастин встретился глазами с растерянным сослуживцем, стоящим рядом и тоже наблюдавшим за построением внизу. Вроде его звали Джим... или Джон. Обычно, на этом посту стоял только один стражник, сейчас их было трое. Всех подняли по тревоге часов в пять утра. Сейчас было около шести и командование, наконец-то, собиралось объяснить в чем дело. Несколько мгновений посуетившись, водомерки внизу все же приняли облик вооруженных солдат, выстроились в почти правильные шеренги. Сверху была хорошо заметна разница между строгим и неподвижным строем ветеранов и волнующейся, кособокой массой новобранцев.

– Станови-и-ись! – Снова проорал Ботрайт. – Ровняйся!

Смирно!

Застыли солдаты, застыли, еще недавно оружие, сержанты, застыли три лейтенанта, стоящие во главе своих подразделений. Продолжил двигаться только неизвестный Джасти-ну, высокий, богато одетый дворянин, похлопывающий кожаным хлыстиком по голенищу сапога. Он стоял позади Ботрайта, и хотя из-за расстояния, рассмотреть его лицо было практически невозможно, Джастин был уверен, что высокомерная ухмылка все еще на месте. Именно эта ухмылка, а еще манера странно подергивать головой, сразу же вызывали сильнейшую антипатию. Дворянин этот и был причиной всего переполоха. Хотя, вероятно, не самой причиной, а лишь гонцом, об этой причине поведавшим.

– Вон тот типус, – прошептал, пока капитан разговаривал с высоким незнакомцем, Джон или Джим, – начальника чуть не до удара довел. Я сам не видел, мне Ричи шепнул. Этот длинный – важная птица. А приехал без эскорта, один. Еще ворота закрыты были. И давай орать, командиров требовать. И ведь в грязи весь, да в поту лошадином... был. Сейчас-то почистился, а так мужики, что на часах стояли, ему чуть было в грызло не сунули. Во потеха былаб...

– Да ты не трынди! Не трынди! – Перебил стражник, с отвратительным багровым шрамом через все лицо. – А по делу давай. Шо удар то? Шо с начальником? Бил кто кого, али как?

– Да кого бил? – приглушенно возмутился Джим... или

Джон. – Темень ты неразумная. Разозлил он начальника. Разъярил, можно сказать. А до него – еще и мужиков, что на часах...

– Сам ты темень. – Обиженно буркнул тот, что со шрамом. – Хрень молотишь, нет шобы по делу. Скажи, Жастин?!

– Хватит вам. Ты, Джим, – наугад бросил Джастин, – постарайся конкретнее и по порядку. А ты... эм... приятель, не перебивай. И можете не шептать. Все офицеры внизу.

Тем временем капитан что-то бурно обсуждал с незнакомцем. А тот лишь качал головой, явно не соглашаясь.

– Так яж и говорю, – продолжил Джим, – мужики ему чуть не навешали, вот смеху то былоб. Но потом старшего разбудили, тот распорядился открывать и за капитаном послал. Этот франтик, грязью обляпанный, с какой-то бумагой был. Как бумагу капитану вручил, так тот раскраснелся, разорался... Ну не при мужиках, правда, но выж его знайте. Не то что из-за двери, из-за моря слышать.

– А что в той бумаге было, – без особой надежды спросил Джастин, – не слышал?

– Как не слышать? Еще как слышал! – надулся, гордый своей осведомленностью, Джим. – Враки там, вот. Ложь, стало быть, неправда. То капитан и орал. Говорил, что невозможно поверить. Что быть такого не может. Что все это – бред и дерьмо.

– Войны Хертсема! – Загудел снизу громоподобный голос капитана. – Слушайте! Так уж вышло, что все вы носи-

те цвета достопочтенного графа Гастмана. Да будет век его долог. – В пронзительном баритоне зазвучала сталь. – Его милость граф, прислал нам... прислал Вам приказы. Прислал гонца! – Рев Ботрайта, хоть это и казалось невозможным, еще усилился. – Представляю вам господина Аддерли. С этой минуты, вы переходите в его распоряжение. В соответствии с приказом графа Гастмана!

Закончив, капитан сделал два шага назад и заложил руки за спину. Он старался казаться спокойным, но даже с верхней площадки сторожевой вышки было заметно его тяжелое дыхание. Представленный господином Аддерли, выступил вперед.

– Благодарю, господин Ботрайт. – Проговорил он властным, звучным голосом. – Я принес добрую весть, войны Хертсема! Третьего дня орды неприятеля пересекли границу Мидуэя. Эти несчастные, опустошенные и истощенные земли – снова не смогли противостоять врагу. Но... тем лучше для вас! Ибо выпал шанс раз и навсегда разделаться с ненавистными львами. Мудрость светлейшего графа позволила предугадать замыслы врага. Этот древний форт, эта горная крепость – станет костью в горле алчных рыцарей! Мы сдержим первый напор наступления, не дадим врагу беспрепятственно пересечь перевал Дурн-фар!

Вдохновенная речь богато одетого, статного, прямо-таки величественного Аддерли – практически никого не вдохновляла. Судорожно сжимающие алебарды, гизармы и рогатины

солдаты, не спешили радоваться выпавшему шансу. Должно быть – не успели осознать собственного счастья.

– А вскоре, – продолжал тот, – вскоре подоспеют мобилизованный части из Нима и Кардана. И погонят ненавистного врага, споткнувшегося о нас!

Услышав про скорое подкрепление, многие несколько оживились, слышались первые одобрительные возгласы.

– Ага... споткнувшегося о наши обезображенные туши. – Угрюмо пробурчал Джим, пока вошедший во вкус оратор, вещал о близком триумфе и славе доблестных защитников. – Этот раскрыленный петушок гладко стелит, но суть то одна...

– Согласен, – кивнул Джастин, – нас тут полторы сотни. А сколько идет лайонелитов. И сколько ждать наших?

– А меня вон шо заботит, – вклинился тип со шрамом, – чаво они так с капитаном лаятся? Наш-то Ботрайт – мужик толковый, а этот – неизвестно.

– Как я понял, – Джастин задумчиво огляделся по сторонам, – раз мы все служим Гастману, то он и решил поставить в Дурн-фар своего человека. Весь контингент его – значит и форт его. И плевал он на ландфрид и всех союзных феодалов.

– И на кой, – удивился Джим, – графу все это? Наоборот, другие бы князьки своих людей прислали, раз уж мы тут с год сидим. А то как-то... щедро получается. Своих на баррикады значит, да в обгон всех прочих... Не жалеет нанче людей

Гастман, ох не жалеет, не то, что раньше.

Караулы на стенах утроили, и потому Джастин попал в столовую уже ближе к вечеру. Здесь, как и на всех постах, только и говорили, что об очередном рейде лайонелитов. Спорили и гадали о том, будет ли это быстрая, в пару недель, операция, предполагающая только грабеж деревушек и пригородов, да сжигание холуп. Или все-таки близится настоящая, большая война, с осадами и штурмами городов.

В Бирне, стране огромной, и вечно раздираемой междоусобицей, войны, стычки и взаимный террор не были чем-то новым. После свержения королевской династии Аргайлов, более двухсот лет назад, землю, как и власть, поделили феодалы наместники. Сначала герцоги, из разных ветвей правящей семьи. Но вследствие постоянных заговоров и переворотов, в стране не осталось никого, кто так или иначе был бы связан с королевской линией, носил бы хоть частицу той крови. Власть переходила из рук в руки вместе с землями и титулами, теперь значащими совершенно не то, что раньше. Древнейшие дома все больше теснило новое дворянство, состоящее, по утверждению старых вельмож, из бандитов, купчишек и всякой заморской швали. Что ж... эти утверждения были не далеки от правды. Но истерзанная постоянной грызней соседей, истоптанная ногами бесчисленных армий, отрядов и банд, Бирна – все же продолжала жить. Более того, продолжала оставаться независимой и, в каком-то смыс-

ле, единой страной.

Подобные, непростые условия – породили определенную породу людей. Не только потому, что для выживания необходимо было приспособливаться. Быть хитрее, сильнее или незаметнее чем раньше. Но и потому, что такой кажущийся хаос – словно магнит, притягивал людей особого сорта со всего мира. Наемников, авантюристов всех местей и, разумеется, торговцев. Ведь война – удовольствие очень затратное, а значит, для кого-то и очень выгодное. Правда, среди людей, направлявшихся в Бирну, хватало и обыкновенных преступников, грабителей, воров и убийц, стремящихся укрыться от наказания в этом огромном человеческом муравейнике. Но и из них можно было извлечь определенную пользу. И феодалы наместники это умели. Вербовщики чуть ли не круглый год набирали пополнения. И бывалым, готовым на риск людям, пусть даже и не слишком надежным, почти всегда находилась работа.

Так же избыток вооруженных столкновений определённым образом изменил некоторые из старых сословий. Рыцарские ордена, во времена централизованной, управляемой одним монархом Бирны, бывшие чем-то вроде личной гвардии богатейших дворян, теперь стали независимыми. И даже превзошли тех самых дворян и богатством, и влиянием. Наиболее крупным и сильным считался орден лайонелитов, так называемых железных львов. Фактически они владели крупнейшим графством Бирны – Уилфолком. Хотя формально

там и правил марионеточный граф, из старых, сохранивших только имя да гордость, дворян.

Помимо рыцарских орденов, сильно разросшихся и окрепших на постоянных войнах, выделилось еще одно сословие. Своего рода промежуточная ступень, между простолюдином-наемником и рыцарем благородного происхождения. Потомственные солдаты, потомки тех, кто, маршем пересекая страну из конца в конец, не забывали о семьях, оставленных где-то позади. Такие нередко служили десятилетиями, не только выживая и получая приличное жалование в добавок к трофеям, но и отправляя солидную часть дохода на свою малую родину. Хорошо обеспеченные, по сравнению с детьми крестьян и ремесленников, их сыновья частенько выбирали ту же дорогу. А дожидаясь того времени, когда меч на поясе перестанет биться о землю, посвящали силы и время изучению воинского дела. Для этого были созданы специальные академии, в которые дети ныне служащих, и способных регулярно платить, солдат – принимались особенно охотно. И в некоторых, из подобных заведений, учили не только держать строй и колоть копьем, а также читать и писать, а порой даже знакомили с тонкостями военной стратегии и тактики. Разумеется, выпускники таких академий ценились много выше обычных, неграмотных и неподготовленных новобранцев.

– Джастин, садись сюда, потолкуем. – Окликнул его Мар-

лон, уже сидевший за угловым столом, в окружении нескольких старых приятелей.

– Потолкуем. Есть о чем. – Присаживаясь, согласился он.

– Этот франт, Аддерли... Насколько я понял – даже не военный. – Начал здоровяк, не прерывая работы ложкой. Остальные собравшиеся тоже слушали и кивали, не отрываясь от мисок с похлебкой. За день успели здорово проголодаться. – И на кой Гастман его прислал? Мож он умный сильно, но по виду-то и не скажешь. Да и вообще... Ну ты понял.

– Понял, – согласился Джастин, энергично вылавливая из похлебки разваренные хрящи, считавшиеся мясом, – понял и то, что его милость решил оттеснить прочих феодалов Хертсема от контроля над перевалом. И это перед готовящейся компанией лайонелитов. Ведь, по словам этого Аддерли – граф все предвидел, предугадал. Эх... какая прозорливость.

Доев похлебку, Джастин шумно втянул остатки через край глиняной миски. Остальные справились быстрее и сейчас выжидательно смотрели на него. В большинстве своем тертые, старые вояки, тронутые сединой и покрытые шрамами. Сидели и ждали.

Все никак не привыкну, – подумал Джастин, – хотя... все-таки и мне уже за тридцать, да и опыта поднабрался. Но ведь и раньше многие считали меня чуть ли не всезнающим волшебником. Даа... для большинства из них умение писать – уже магия. По началу и Марлон наблюдал, как я читаю гла-

зами полными суеверного ужаса. После, ужас сменился благоговением.

– Так вот, – продолжил он, – не хочу ляпнуть лишнего, но командование явно темнит. Капитан указал на то, что приказы привезли именно нам. Не ему. То есть, он Гастману не подчинится. А почему? Да, формально он служит ландффриду Хертсема, но ведь наш граф там один из первых.

Закончив с ужином, но не с разговором, компания в полном составе направилась в сторону голубятни. Направление было выбрано не случайно, в это время народу там было меньше всего. Поднимаясь по вырубленным в скальной породе ступеням и настороженно озираясь по сторонам – продолжили.

– Выходит, – неуверенно проговорил Флойд, лысеющий, болезненно бледный ветеран, с желтоватым бельмом на глазу, – Гастман замыслил неуютное ланд... ландфд... короче, совету графьев?

– Ну, или так думает капитан Ботрайт. – Осторожно предположил Джастин. Доверять присутствующим было можно. Они не были друзьями, но людьми надежными и проверенными – точно были. Но неподалеку сновали туда-сюда другие. Не столь надежные.

– Эмм... Но ведь перевал общий. – Хмуря массивные брови и пожевывая губу, изрек Марлон. – Как и Каменный брод. Знать Хертсема давно порешила, хочешь сохранить земли да

задницу в целости – берегись львов из Уилфолка. Коли они совместно не оборонят пути в Хертсем, то после их по очереди передуют.

– Видимо граф Гастман решил, что единоличный контроль над перевалом ему по силам. А значит – выгоден. – Подвел итог Джастин.

– Шооо?! ЕМУ по силам? – Возмутился значительно громче чем стоило, до того молчавший Ричи. Он был невысоким, бочкообразным и каким-то нескладным. Однако когда дело доходило до драки, нужно было минимум трое, что бы оттащить его от поверженного противника. – Да это мы... Это я! Я его сила. Не захочу, – Ричи опомнился и немного сбавил тон, – и не буду за него биться. А я не захочу! Если вдруг, какие-то дворянчики шо и задумали, я в том не участник. Я за Хертсем воевал и служу я Хертсему. Не Гастману и прочим... хозяйничкам. И срал я на эту дурь. – Он с силой дернул сине белое полосатое сюрко, висящее на его нескладной фигуре, как попона на козе.

– А ну тише. Разошелся то как. – Одернул его посерьезневший Марлон. – Тыж раньше времени не ерепенься. Не ясно ничего еще. А ты уж цвета срывать. Видно будет, как дальше то...

– И чего этим бездельникам здесь надо? Ой не рады будут, что...

– Да хорош. Что ты взелся? – Одернул товарища лей-

тенант Брикман. – Эт нормальные ребята... К тому же они здесь наверняка за тем же, за чем и мы.

– Разве? – Изогнул правую бровь лейтенант Картер Дей. – Неет Рональд... простым мужикам плевать на кого горбатиться и кому служить.

Брикман флегматично пожал плечами и отхлебнул из небольшого кожаного бурдюка, который всегда таскал за пазухой.

– Ты слишком благороден, Дей, что бы понимать думы простого солдата. – Говоря это, Рональд без особой надежды косился на приятеля. Тот был слишком молод и горяч, что бы заметить и понять насмешку. Самому же Брикману было уже за сорок. Сорокалетний лейтенант... Печальное зрелище. С этими мыслями он отхлебнул еще.

– А что? Все они привыкли из поколения в поколение кланяться, а согнувшись пополам – чьи сапоги уже не разглядишь. – Продолжил гнуть свое Картер. Он действительно был молод, горяч и высокороден. И изо всех сил старался показать, что в отличие от других – понимает, что происходит. – Другое дело – мы. Все дворяне равны! Какого черта Гастман себе позволяет? Этот чертов шут, Аддерли... Да такие у моих родичей конюшни чистят.

– Не горячись, Картер. – Брикман снова приложился к бурдюку. – Хотя... можешь горячиться. Пока здесь только голуби. Им-то насрать на твою возмутительную крамолу.

– Им-то на все насрать, – согласился Дей, вытирая с плеча

птичий помет, – а остальным? И на что вообще способен этот выскочка-переросток? Если мы вместе с Ботрайтом возьмем его за жабры, будет ли Гастман мстить?

– А тебе совсем не интересно, как поведут себя бойцы? – Тихо спросил Рональд. – На счет ветеранов, я почти уверен, но молодых мы не знаем. У них нет оснований не подчиняться своему сюзеру. А если Аддерли окажется хватом, за такие планы вполне могут повесить...

– Нет основа-а-а-ний... Ну конечно! Да последнему ба-траку понятно, что тут дело не чисто. Какого хрена капитана отстранили от командования? Да еще и утаили информацию особой важности! Гастман знал, что лайонелиты идут, поэтому собрал войско под Карданом. Поэтому – забил Дурнфар только своими людьми. Поэтому – подослал придурка Аддерли. И зачем все это? А?

– Я не знаю наверняка, так же как и ты, – Брикман задумчиво почесал заросший подбородок, – но полагаю, что скоро все прояснится. Если границу Мидуэя пересекли позавчера, то до нас докатятся самое позднее к завтрашнему вечеру.

– Это если пойдут на нас. А если через броды? – Картер беспокойно мерил шагами помещение старой голубятни. Находящаяся на возвышении и, тем не менее, закрытая от основного форта скальным уступом, изящная арочная постройка могла вместить еще сотни голубей и десяток заговорщиков, но молодому лейтенанту явно было тесно. – Хотя нет, зачем тогда светиться, проходя через Мидуэй?

– Маневр? Или просто – грабежа ради и удовольствия для. – Меланхолично жестикулируя, предположил подвыпивший Брикман. – Но я в этом сомневаюсь. Аддерли здесь не просто так. Хотя и его самого, и его хозяина могли ввести в заблуждение.

– И что же в итоге? Что решим? – Картер вопросительно уставился на старшего товарища.

– Ну, раз наверняка ничего неизвестно – будем действовать по обстоятельствам. То есть там видно будет, как дальше то...

– Хм... подумаешь. Не так уж и много! – Не скрывая сарказма, изрек Сэм. – Ну, теперь-то драным кошкам конец.

Джастин, стоящий рядом, криво усмехнулся. Вершина северной стены была усеяна защитниками. Начищенные кирасы и высокие гребни шлемов ослепительно горели на солнце. На сторожевых вышках горделиво вытянулись изящные баллисты. Над воротами, волнуемые прохладным утренним ветром, развевались штандарты графства Хертсем – снопы золотистых колосьев на белом поле, и дома Гастманов – черный пикирующий ястреб на бело-синем поле. Примерно в семистах шагах впереди, на обширном, поросшем редким кустарником плато, под бодрый барабанный бой, выстраивались шеренги неприятельской армии. Выстраивались широким, развернутым строем.

– Ишь красуются, сволочи! Напужать хотят, пыль в глаза,

значит. – Ворчливо пробасил кто-то.

– А мы? – Спросил, обернувшись, Сэм. – Не красуемся? Стоим тут, как на параде. Так уж положено. Они нас пугают, мы их. Уж не знаю, получается ли...

– А то! – Звучно ухнул Марлон. – Вон, один Бенджамин чего стоит. Тока зря на него шлем напялили. Но и так, тож свирепо. Аргх-ха-хах!

Сразу после выступления господина Аддерли последовали кадровые перестановки. Как только стало ясно, что командование оставляет молодых в гарнизоне – их шустро раскидали по десяткам. Назначили сержантов, преимущественно – из местных ветеранов. Марлон стал одним из десятников. Ему было не впервой командовать людьми. В обычной, повседневной службе, он сторонился лишней ответственности. При этом ворча о том, что согласен вытирать слюни и жопы только тем, кого породили его собственные чресла. Но сейчас с энтузиазмом взялся за дело. Для начала, в грубой форме отказавшись от приписанной ему десятки. Другим этого может и не спустили бы, но Марлон имел в Дурнфаре особую репутацию... И особые права. Он был запанибрата почти со всеми лейтенантами и воспользовался связями, что бы набрать себе именно тех, кого хотел. В итоге под его началом, кроме соседей, то есть Джастина, Сэма и Райта, оказались Берти, Бенджамин и еще несколько вчерашних собутыльников. Берти, наконец начистив кольчугу, подогнанную накануне Марлоном, сейчас стоял во второй шеренге.

И изо всех сил тянулся, поднимаясь на носочки, стараясь разглядеть хоть что-нибудь. Рядом с ним, ссутулившись, стоял Бенджамин. Даже в простом круглом шлеме, он на полторы головы возвышался над строем. К слову, даже такой, завалявшийся в глубинах оружейной, шлем – нашли каким-то чудом и по личной просьбе Марлона. Ведь голова могучего новобранца была под стать его телу, то есть раза в два больше, чем у остальных. Кто-то даже говорил, что такую черепуху защищать ни к чему, во-первых, кость и так слишком крепка, а во вторых – до головы все равно никто не достанет.

– Ну что, великан. – Новоявленный десятник продолжал подначивать Бенджамина. – Покажем львам то, чем солдат от пастуха отличается? А то привыкли, понимаешь, молодых парней шпынять, стада угонять да посевы жечь!

При этом Марлон даже не лукавил. Он искренне негодовал, когда узнал о падении Мидуэя. Очередном. Многострадальному графству исторически не повезло оказаться между двумя враждующими соседями – Хертсемом и Уилфолком. И основываясь на своем солидном опыте – сержант был уверен, что в подобные моменты лучше подначивать и дразнить людей, чем давать им все глубже погружаться в свои думы и тревоги.

– Если ты знал, что я пастух, – неожиданно глубокий и приятный голос Бенджамина был в то же время безразличным и отрешенным, – то усть меня не получилось. А ежели не знал, то благодарствую. Благодарствую за то, что счита-

ешь меня солдатом.

На тех, кто слышал гиганта впервые – было очень забавно смотреть. Лицо, действительно пугающее, искалеченное, возможно при родах, с искривленным носом и глазами разного размера – сильно контрастировало с приятным тембром голоса и мягким нравом великана. Однако узнав Бенджамина получше, многие снова начинали считать его безумным.

– И у них, конечно, кавалерия, – еще тише, вероятно сам с собой продолжил он, – как же без нее? Лошадей жалко. И ему снова прощать, кто не ведает...

Джастин, стоявший в трех шагах от громилы, услышал. Не понял, но заинтересовался еще больше. Толком поговорить с Бенджаминем было сложно. Он периодически впадал в какой-то ступор и переставал реагировать на окружающих. Но и в остальное время – представлялся фигурой весьма загадочной. По крайней мере, виделся таковым Джастину. Возможно, кому-то показалось бы странным, что солдат, стоящий на вершине крепостной стены и созерцающий приготовления врага, раздумывал о темных глубинах человеческой души... Да, именно так он мысленно именовал предмет рассуждений. Но для Джастина, как и для некоторых других ветеранов, происходящее вокруг не было чем-то особенным, чем-то излишне будоражащим. Войн, битв, стычек и побоищ он повидал немало, а вот людей, подобных Бенджамину, ему встречать не доводилось. И речь, разумеется, не о рослых громилах – таких в армии хватало. И не о сумасшедших –

таких здесь было еще больше. В этом искалеченном, немного жутковатом лице, временами проглядывалось что-то такое... Джастин не мог четко ответить себе, что же именно. Хотя обычно за словом в карман не лез. Даже в разговорах с самым достойным из возможных собеседников – самим собой.

Пронесшийся по шеренгам шорох и перешептывания отвлекли его от застывшего, бесстрастного лица гиганта. От серо блестящей массы войск неприятеля, отделилась группа всадников. Около дюжины коней, два развевающихся знамени, с такого расстояния кажущихся просто серыми. Но Джастин, как и любой на стене, знал, что на сером поле белеет гордый профиль льва. Символ лайонелитов, в прошлом – фамильный герб их основателя и первого командующего. Ныне канонизированного, Лайонела Синаасского.

Порывы свежего ветра далеко уносили пыль, вздымаемую копытами великолепных дахабских жеребцов делегации. До ворот форта им оставалось меньше сотни шагов. Самые зоркие уже могли разглядеть богатые, тускло-серой стали, латы. Сработанные, наверняка, кузнецами Карского полуострова. Широко известными мастерами оружейниками, к тому же издавна торгующими с Уилфолком. Для их последних творений были характерны увеличенные наплечники, доходящие спереди – до середины груди, а за спиной – почти соприкасающиеся у позвоночника. Это позволяло надежно защитить, обычно уязвимые при замахе оружи-

ем сверху, подмышки. Все приближающиеся всадники были в тяжелых доспехах, но без шлемов. Вероятно, что бы лишний раз подчеркнуть свои дипломатические намерения. Однако белого флага не было. И вот, в окружении многозначительного блеска стали, в окружении трепещущих знамен и безмолвных, словно окаменевших солдат... кто-то громко пустил ветры.

– Ааа чертовы бобы. – Кисло прогундел один из новобранцев, по прозвищу Свинопас, взятый Марлоном в десятку за умение травить охотничьи байки.

– Ааа чертовы свинопасы... – прокомментировал, подражая кислому тону бойца, Марлон, – ониж еще не подошли, даже посольство до ворот не добралось. А ты уже обгадился.

Со всех сторон слышался сдавленный смех.

– Молчать. – Утробный рык лейтенанта Гулда Блейка производил серьезное впечатление. Джастину обычно представлялся лев, готовый к атаке. – Смирно стоять. – Прибавлять последнее не было нужды. Клокочущий, вязкий баритон одинаково действовал на всех. Но лейтенант походил на настоящего хищника не только голосом. Крупные желтоватые зубы, обнажающиеся в кривой ухмылке, больше похожей на оскал, рыжие, не слишком опрятные бакенбарды и даже внимательный неподвижный взгляд – все выдавало в нем человека опасного...

– Пришли... сукины дети. Скорей бы уже. – Многие не разделяли энтузиазма кровожадного офицера, но его при-

сутствие на нужной стороне вселяло определенную уверенность. Кое-кто из молодых заметно приосанился, проникаясь настроем.

Тем временем, группа конных лайонелитов остановилась в тридцати шагах от ворот. Один из них, со светлыми волосами по плечи, выехал вперед. Гордо выпрямился в седле. Набрал в грудь воздуха.

– Слушай меня, Ботрайт! Слушайте так же все вы, защитники Дурн-фара! Слушайте... ибо я не повторяю.

Его резкий и неприятный голос резал слух.

– Лорд Дэсфорд шлет вам...

– Ты бы хоть представился! Мямля! – Выкрик капитана Ботрайта прогремел, словно сошедший с гор камнепад. Под светловолосым послем заплясала лошадь. Стоявший рядом с капитаном Аддерли, с недовольной миной поковырял в ухе.

– Лорд Дэсфорд ш...

– Ты не Дэсфорд! – Снова перебил Ботрайт. И продолжил несколько тише. – Я знаю Великана. Он вдвое больше тебя щенок! И втрое вежливее. Достоинно приветствует даже врага. Ты же... а-а-а что зря языком молоть. – Капитан плотно сжал зубы, на выбритых до синевы скулах заиграли желваки. Он замолчал, но лишь на мгновение. Перевел взгляд на лейтенанта Брикмана. Сухо скомандовал. – Враг у ворот. Арбалетчики к бою.

В повисшей, буквально звенящей тишине, было слышно, как где-то далеко залаяла собака, неизвестно откуда взявша-

яся в гарнизоне. Все на секунду оцепенели. Первым пришел в себя Рональд Брикман. Вопреки своему обыкновению – трезвый и чисто выбритый.

– Пятая, шестая, седьмая десятки! – Торопливо прокричал он. – Заряжаай!

Некоторые из лайонелитов заметно заволновались. Их великолепные боевые жеребцы заплясали, почувствовав напряжение. Светловолосый поднял руку, призывая к порядку, остановил взглядом тех, кто собирался развернуть коня.

– Пусть не благородный, но широко известный своими деяниями капитан, – проговорил он тоном надменным и чуть ли не издевательским, – наверняка не позволит себе пролить кровь безоружных парламентаров. Пришедших к нему с...

– Я не вижу парламентаров, – прорычал, задетый упоминанием о его происхождении, Брюс Ботрайт – сын и внук пекарей из-под Элрина, – разве что, твоя пищащая башка здесь вместо белого знамени. Нет? Значит вы лишь кучка лазутчиков, коих обнаружил мой зоркий глаз. Лейтенант, командуйте!

– Цеельсь! – Проорал Брикман, не спуская глаз с капитана. Он очень надеялся, что никто из его людей не выстрелит раньше времени. Надеялся, что бойцы, как и он, понимают, что это всего лишь игра. Метод ведения переговоров.

– Отставить! – Вдруг вмешался Аддерли. – Ну что вы, господа, право слово... – добавил он уже тише, обращаясь в ос-

новном к Ботрайту, – не стоит торопиться. И потом, распоряжением графа, это – мои люди. Позвольте мне руководить ими. И переговорами...

Капитан посмотрел на него. Скривился.

– От лица его светлости графа Гастмана, – начал Аддерли громко, обращаясь к послам, – обороной Дурн-фара командуя я, Говард фон Аддерли. Мне же вы можете изложить послание лорда Дэсфорда.

Беловолосый хмыкнул так отчетливо, что было слышно на вершине стены.

– У нас проблемы с дисциплиной решаются двумя способами, – проскрежетал он своим неприятным голосом, – плетью по спине... или мечом по шее.

Ботрайт побагровел, но стоял молча, косясь на Аддерли, который слушал лайонелита склонив голову набок и скрепив на груди руки.

– И принимая во внимание явный разлад в вашем стане, – продолжал блондин, – я и мои спутники, чувствуем себя неуютно в опасной близости от крикливого капитана. Предлагаю Вам спуститься вниз и выслушать условия, кои я уполномочен передать. Мы будем ждать в сотне шагов, в недостижимости болтов ваших... немногочисленных бойцов.

Всадники нарочито неспешно развернули коней и порысили прочь от ворот. Ботрайт сплюнул. Аддерли перевел недовольный взгляд с капитана на плевков и обратно. Покачал головой.

– Вы, лейтенант, со мной. – Проходя мимо, он хлопнул по плечу Гулда Блейка. Светло-голубые глаза офицера на миг загорелись. – Возьмите десятку. Пеших.

Добавлять последнее – смысла особо не было. В гарнизоне может и набралось бы с десятков лошадей, но большая их часть принадлежала офицерам, а остальные не годились в верховые. Пара старых, кривоногих, крестьянских кляч с трудом дотащились сюда, запряженные в телеги с провиантом.

Выстроившись в две колонны, десятка Марлона бодро маршировала следом за лейтенантом Гулдом. Тот развалился в седле с развязностью опытного наездника и держался на полкорпуса позади Аддерли. Гулд Блейк не выказывал ни тени страха... или почтения. Ни перед врагом, ни перед командованием. Он беспечно осматривал окрестности, время от времени бросая хищные взгляды на конников, ожидающих их впереди. Будь новоявленный командующий гарнизонам лучше знаком со своими людьми – то никогда не выбрал бы в качестве эскорта такого человека.

Вот о чем размышлял Джастин, топая в хвосте правой колонны, с тяжелым арбалетом наперевес. Он хорошо помнил вечерний разговор. Хорошо видел настроения, царящие в лагере. И был серьезно встревожен. Не только и не столько тем, что крупные силы неприятеля находились всего в нескольких сотнях шагов впереди. За годы, проведенные на службе, он не раз убеждался, что хорошие крепкие стены

способны компенсировать и очень серьезную разницу в живой силе. Его тревожило другое...

Слева от Джастина вышагивал Сэм. В начищенной кирасе и при оружии он смотрелся достаточно боевито. Широкие загнутые поля мориона хорошо скрывали лица солдат от возвышавшихся всадников... но не друг от друга. А на лице у Сэма можно было прочесть многое. И ничего, ну абсолютно ничего хорошего. То есть, полагающимися настоящему солдату боевитостью и отвагой там и не пахло. Скорее уж в угрюмых складках лба можно было заметить тщетно скрываемое недовольство. А уж кто вызывал у грузного бойца такие эмоции – легко было понять по полным неприязни взглядам, изредка бросаемым на возглавлявшего отряд Говарда фон Аддерли.

Райт, за время пребывания на гарнизонной кухне успевший отвыкнуть от тяжелой амуниции, заметно потел. Даже заметнее Сэми, хотя и был в куда лучшей форме. Сейчас, шагая прямо перед Джестином, он время от времени сбивался и шел не в ногу. И часто вздыхал. Что беспокоит обычно жизнерадостного парня – тоже было легко понять. Перспектива предстоящего столкновения, а в том, что оно будет – не сомневался уже никто, не радовала добродушного и несколько робкого Райта. Но еще больше его смущали явные разногласия капитана Ботрайта и Аддерли. Джастин накануне разъяснял соседям суть конфликта. Разъяснял так, как понимал сам.

Солдат с самого начала учили подчиняться, выполнять приказы и слишком много не раздумывать. И потому они терялись, когда было не ясно, кому же подчиняться и чьи приказы выполнять. А маячившая впереди возможность, получения приказов взаимоисключающих – вообще была сущим кошмаром для солдат порядочных и дисциплинированных.

В этом плане положение могучего Бенджамина, вынужденно идущего мелкими шажками, чтобы не нарушать строя, можно было считать завидным. По крайней мере, Джастин не видел и тени переживания в глазах гиганта. Хотя, глядя на изувеченное лицо – ничего нельзя было сказать наверняка.

Настрой и думы Марлона, ведущего десятку – практически совпадали с настроением Джастина. Настолько, насколько вообще могли. И это притом, что коренастый силач редко в чем соглашался с вумными, как он именовал людей грамотных, читателями.

До Джастина донеслось близкое ржание и негромкие голоса. За размышлениями и спинами товарищей он не заметил, что почти дошли. Аддерли придержал коня, замедлился. Не оборачиваясь, поднял руку, подавая знак лейтенанту Блейку. Тот повторил знак, явно адресуя его Марлону. Десятник буркнул короткий приказ, солдаты выстроились в две шеренги, не дойдя до группы конных лайонелитов полтора десятка шагов.

– Прошу простить несдержанность капитана Ботрайта, –

официально-холодным тоном произнес Говард Аддерли, – он человек простой. И уверен, что дипломатия – это какая-то диковинная птица из Меланора.

Блондин, возглавлявший делегацию, кивнул. По своему обыкновению громко хмыкнув. Голубые глаза Гулда Блейка опасно сузились. Джастин отметил, что рука лейтенанта на дюйм приблизилась к рукояти меча.

За время переговоров Блейк не вымолвил ни слова. Как и положено вооруженному эскорту – стоял и ждал там, где приказали. Но пару раз в его глазах, и обычно-то жутковатых, хищных и холодных, появлялись совсем уж нехорошие огоньки. А Джастин неплохо разбирался в людях, хоть сам так никогда и не говорил. Разбирался... и потому, крепче сжимал в руках заряженный арбалет. Нет, он не ждал, что Блейк кинется на нахального беловолосого рыцаря. Он вообще не ожидал драки в ближайшие часы. Но то, что зловещие огоньки в глазах лейтенанта появлялись только при взгляде на Аддерли – серьезно подкрепляло старые опасения. А сами переговоры не представляли особого интереса для Джастина. Опытный солдат легко мог предположить, что в подобной ситуации предложат защитникам небольшого форта. И правда – предлагали простой выбор. Сложить оружие, сдать Дурн-фар и отправляться восвояси. Учитывая, что основной контингент простолюдины – даже без выкупа. Или – принять неминуемую, возможно для кого-то мучительную, смерть. За два дня через этот перевал должна была прой-

ти двадцатитысячная, по словам хамоватого лайонелита, армия. Джастин понимал, что после здесь должны наладить сообщение. Потянутся в обе стороны колонны обозов. В Хертсем с провиантом и пополнением, в Уилфолк с награбленным добром и ранеными. А потому Дурн-фар необходимо было взять. Или отстоять, смотря с какой стороны посмотреть.

Невзирая на относительно немногочисленный гарнизон, расположение и устройство форта могли обеспечить защитникам условия, необходимые для отражения штурмов и выдерживания осады. По крайней мере – на некоторое время. А имеющиеся в Дурн-фаре метательные машины, от легких баллист до огромных, дальнобойных требушетов, давали возможность серьезно досаждать врагу, не выходя из-под защиты древних стен. И так как Джастин еще не имел возможности убедиться в эффективности орудий горной крепости, сейчас, возвращаясь с бессмысленных переговоров с предсказуемым результатом, размышлял о пользе, какую изоощренные творения инженеров принесут на деле.

Тяжелые, окованные почерневшим железом ворота – медленно распахнулись. Заканчивая последние приготовления суетились солдаты. Деловито поругивались сержанты, выжидательно хмурились офицеры. Еще не доходя до ворот, Джастин заметил, что капитан Ботрайт остался там же, где и был, то есть на площадке четырехгранной сторожевой башни, возвышавшейся над воротами. Засунув большой палец

правой руки за пояс, а левую держа на рукояти меча, он неторопливо вышагивал из стороны в сторону, изредка кидая взгляды в сторону позиций неприятеля. Аддерли тоже видел капитана и сразу же направился к нему, перешагивая через две ступеньки. Лейтенант Блейк, хоть и мог бы считать себя свободным, уверенно направился за ним. У старой каменной лестницы, круто поднимающейся вдоль стены, задержался. Медленно обернулся, словно на мгновение задумавшись.

– Марлон, с двумя за мной. – Бросил он, и посмотрев вслед уже находящемуся на вершине стены Аддерли – мягкой, пружинистой походкой пошел за ним.

Десятник хрипло откашлялся, взглянул исподлобья на неровный строй. Избегая вопросительных взглядов остальных – коротко буркнул.

– Джастин, Райт, – махнул рукой и поспешил вверх по лестнице за лейтенантом, – ох приятель, – тихо проговорил он, когда они отошли достаточно далеко от остальных, но еще не догнали Гулда, – сдается мне – дождались, чего хотели дождаться. Ох дождались...

Джастин не успел ответить. Перед аркой, ведущей в сторожевую башню, стояли навтыжку два стражника. Из новобранцев. Лейтенант остановился перед ними, глядя в затененный арочный проем и виднеющуюся винтовую лестницу.

– Вы двое, – звериный рык снова заклокотал в голосе Гулда Блейка, – на третий пост. Таскать ядра. Живо!

Бойцы чуть не бегом кинулись вниз по лестнице. Лей-

тенант обернулся, его внимательный взгляд перепрыгнул с Марлона на Джастина, несколько дольше задержался на Райте.

– Хм... старые. Правильно. Джастин и... ты, стоять здесь. Никого не пускать. Приказ капитана. Здоровяк, за мной.

– Капитана? – Робко прошептал Райт, когда Марлон и Блейк скрылись в затененном проеме. – Это того, который наверху? У нас же один капитан, верно?

– Остряк... – кисло прокомментировал Джастин.

Сверху донесся возмущенный голос Ботрайта. Капитан еще не орал, но явно был сильно разгневан.

– А что? А тебе самому не интересно? Мож там шас измена и смертоубийство? Все как ты вчера...

– Да не говорил я такого! – Резко прошипел Джастин. – А даже если и так, мне-то что делать?

– Нуу...

– Вот и ну! Стой, где поставили. Наше дело маленькое.

– Не похоже на тебя. Стоять и все... – с сомнением пробурчал Райт, – а вмешаться?

– И как же ты намерен вмешаться? – Состроил преувеличенно заинтересованную мину Джастин. – Ну орет и что? Он всегда орет. Человек такой, понимаешь...

Райт молча покачал головой. Да Джастин и сам не верил в сказанное.

– Чертов напыщенный болван! – выплюнул он злобно, с сомнением глядя на винтовую лестницу, – Говард фон Ад-

дерли... командующий горнизонам. Ладно, стой здесь.

Оставив взволнованного Райта на месте, Джастин нерешительно зашел внутрь. Ступени крутой винтовой лестницы были заметно стоптаны посередине за многие годы использования. Ведя рукой по прохладной, шероховатой стене он старался ступать как можно тише, хотя за приближающимися звуками бурной ссоры его и так не расслышали бы. Миновав несколько дюжин ступеней, увидел темный силуэт на фоне арочного проема, ведущего на верхнюю площадку башни. Джастин сразу узнал приземистую, широкоплечую фигуру Марлона. Еще несколько тихих шагов вперед. Теперь голоса различались значительно четче.

– Да как ты смеешь? Ты... – Голос капитана Ботрайта, с трудом удерживающегося от перехода на привычную тональность громовых раскатов.

– Попрошу без фамильярности, капитан! – Аддерли тоже раздражен не на шутку. Его обычно холодный и надменный голос отдает неприятным скрипом. – И лорд Дэсфорд – человек благородный. Данное им слово...

– Слово дал не он! Великан, должно быть, за сотни миль отсюда. – Было хорошо слышно, с каким трудом Ботрайт сдерживается. – А нахальный выродок, с которым ты шептался...

– Капитан! Я последний раз напомню об учтивости.

– Не стоит угрожать. – Знакомый, глубокий рык лейтенанта Гулда Блейка.

– Да ты же сам разорвался о кости в горле! Сам призывал стоять еще вчера! – Со злостью продолжал Ботрайт.

– Речи для хамов, – Аддерли припустил в голос нотку презрения, – не имеют отношения к реальному положению вещей! А реальность такова, что подкрепления в ближайшие пару недель нам не видать! Если есть возможность – я должен вывести людей. Вывести солдат графа Гастмана, – с нажимом процедил он, – а не оставлять их на убой. Войско соберется под Карданом, оттуда и ударим. Нам дали час на раздумье и я не вижу никаких причин понапрасну жертвовать головами. Своей, вашей и головами бойцов!

– Что за чушь ты несешь?! – Капитан словно не верил ушам. – Дурн-фар это ворота в Хертсем! Полторы сотни Гастмана нужнее всего здесь. В поле неполные две роты ничего не значат. Я поставлен сюда ландфридом. Я назначен командующим. И мне поручена защита перевала!

– Ежели вам угодно – можете защищать. А я направляюсь в Кардан, к своему сюзерену. И с его бойцами.

Джастин сделал еще два шага вперед. Разглядел Блейка, тот стоял немного ссутулившись, собранный, будто готовый к прыжку.

– С дороги лейтенант. – Раздражение в голосе Аддерли переросло в бешенство. – Убирайся с дороги, чертов содомит, не то я... ааргхх...

– Не стоит угрожать, – прошипел Гулд Блейк так тихо, что Джастин с трудом расслышал, – я говорил...

Мягкий звук тела, осевшего на пол.

– Твою мать... Блейк. – Удивленно растерянный голос Ботрайта.

– Да, капитан?

Пауза, несколько секунд звенящей, всепоглощающей тишины. Даже монотонный гул и шум гарнизона словно пропали на время.

– Ничего... Все правильно. Так надо. Найди мне веревку.

Джастин очнулся. Стараясь не шуметь, на негнущихся ногах спустился вниз. На немой вопрос Райта ответил кивком. И провел поперек горла большим пальцем. Райт заметно побледнел.

– Да не бойся ты... Теперь хоть все ясно. Теперь повоюем. А может и отобьемся.

Джастин глубоко вздохнул и продолжил, уже как бы сам с собой.

– Вот только интересно, на какую сторону стены его вывесят...

Глава 2

Молодой месяц робко показался из-за туч, озарив бледным ровным светом поляну с огромными валунами. Пляшущие тени, рождаемые красно-оранжевым пламенем костра, будто отступили, поблекли, растворились. Двое мужчин протягивали руки к уютному теплу огня. И одновременно подняли головы, услышав совсем рядом вой, похожий на волчий. Тяжелый боевой жеребец, щипавший траву неподалеку, тоже насторожился. Застриг ушами. Беспokoйно всхрапнул.

– Чертовы волки, – все еще вслушиваясь в ночные шорохи, тихо проговорил Джастин, – и чего так тоскует?

Сидящий напротив рыцарь, задумчиво смотрел в огонь.

– Кто ж его знает? Возможно, – продолжил он, с легкой усмешкой подкручивая усы, – печалится, что мы не спим, что не ранены, что не собираемся помирать. Серый бы знатно отужинал, а то сидеть ему, понимаешь, слюни ронять.

Джастин не улыбнулся. Посмотрел в сторону, откуда донесся вой. Поборов нерешительность – спросил.

– Салливан... ты думаешь, что они помнят предыдущие рейды? Помнят, как вылуцивать из доспехов павших? Говорят, что в Мидуэе все волки – людоеды, что всегда увязываются за армиями. Знают – где вооруженные, там будет, чем поживиться.

Салливан фон Элликот безразлично пожал могучими

плечами. Зажав одну ноздрю пальцем, высморкался из другой так шумно, что наверняка должен был распугать всех волков в округе.

– В этом есть доля правды, – поддержал он, вытирая руку о траву, – трупов то в этих лесах хватало. А значит – вся местная живность знает вкус человечины. Но это, в основном, просто падальщики. Ели то, что убили задолго до них.

– В основном? – спросил несколько отстраненно, явно думая о чем-то своем, Джастин.

– Именно. Ведь крестьяне, только заслышав об очередном славном походе, нашем, лайонелитов или еще кого, берут в охапку все, что в землю не вкопано и сверкая пятками в лес. Но случается и такое, что малость не успевают или успевают, но не все... Вот и оказываются в местных чащобах бабы, да дети без мужиков. Ну или раненые какие. Вот тут-то их и могут дорезать хищники.

– Волки?

– И волки тоже...

Порыв свежего ветра поднял и закружил ворох сухой листвы. С огромных, стоящих неподалёку дубов, тоже полетело. В неверном свете костра, кружащие тут и там небольшие вихри из листьев, выглядели мистически, волшебю. Объятое огнем полено громко стрельнуло, возвращая Джастина к реальности. Он встретился взглядом с Салливаном.

– Его повесили внутри стен, верно? – Спросил рыцарь с уверенностью и знанием дела. – На виду у вас, с назидани-

ем и намеком.

– Нет, – после недолгого молчания возразил Джастин, – тогда нас еще не надо было запугивать...

– А и правильно! Боги – свидетели, капитан знает, что делает. – Подвел итог лейтенант Картер Дей.

– Правильно... неправильно, – задумчиво протянул Рональд Брикман, – а уже не важно. Ничего ведь не воротишь. Так что – за нас все решили. Может оно и к лучшему, но как бы молодые...

Тревожный рев сигнального рога прервал лейтенанта на полуслове. С момента убийства, или как объявил капитан – казни, Говарда фон Аддерли, миновало сорок пять минут. С момента объявления ультиматума лайонелитов – ровно час. И, несмотря на то, что брэнное тело незадачливого командующего болталось над воротами уже довольно долго, львы выждали обещанный срок.

– Вот и решение, – с искренней улыбкой воскликнул Дей, возбужденно поглаживая красивую фигурную гарду рапиры, висевшей на поясе, – не думай о новобранцах, Рональд. Ибо им сейчас будет некогда думать.

– Мать твою, Берти! Какого дьявола ты вцепился в этот арбалет? Положи сюда. Да осторожней! Тебе тока говно лопатой кидать. – Марлон расхаживал по участку стены, длинной в дюжину шагов, вверенному ему и его десятке. – Какой

стрелять? Стрелять будешь, когда я скажу! А пока будешь перезаряжать за Джастином. Эй, Свинопас! Тебя это тоже касается. Вон, ручонки то так и ходят. Тоже мне – охотник. Бздливый балабол. За тебя стрелять будет Сэми. После первого залпа перезаряжаешь ему. И шибче! Шибче!

Проходя мимо Бенджамина, он с силой хлопнул его по плечу. Корявую физиономию гиганта исказило подобие улыбки. Марлон шутливо поежился. Подмигнул Джастину, тот ответил так, что бы слышали все.

– Ты просто губил свой талант сержантище! Радуйтесь парни! Ваш десятник знает, что говорит. Но не ждите неприятеля слишком скоро. Прежде нас, их обстреляют парни лейтенанта Дея.

– Эй, дерьмод! Да-да ты, курья жопа! Еще раз ударишь осла – впрягу место него. – Картер Дей, невероятно гордившийся своими манерами и знанием придворного этикета, при общении с личным составом переходил на более понятный и привычный им язык. – А ты, десятник! Ежели ногу боишься о его зад отбить, то сейчас я отобью о твой!

Лейтенант заканчивал последний осмотр пары крупных требушетов. Самых современных из всех, находившихся в его ведении. Его особой гордостью были системы перезарядки и наведения. И то, и другое – не было полностью его изобретением, но он участвовал в их разработке. Или, по слухам, в краже чертежей.

Особенностью данного способа перезарядки являлось использование мулов, впряженных в сложный механизм и обученных ходить по кругу диаметром в десять шагов, с одинаковой скоростью. Справа и слева от этого круга и находились две огромные, метательные машины. С помощью системы шиповых передач мулы по очереди оттягивал плечи требушетов к земле, при этом поднимая противовесы, а орудийным расчетам оставалось только загрузить очередное каменное ядро и ударить деревянным молотом по спуску.

Картер Дей ловко вскарабкался по приставной лестнице на обустроенный особым образом смотровой помост. Помост прилепился к стене главного донжона и со стороны был похож на огромное ласточкино гнездо. За что лейтенанта иронично звали орлом. Разумеется – за глаза.

– Ориентиры просматриваются? Или эти скоты уже напылили?

Не дожидаясь ответа от сутулого, седеющего солдата, Дей оттолкнул его от прибора наведения – второй своей гордости. Длинной, в человеческий рост, деревянной плашки со множеством пластинок, штырьков и насечек, расположенных по обе стороны неглубокого желобка, идущего вдоль. Приник правым глазом к кожаной подкладке черного цвета, аккуратно обтянутой вокруг торца прибора. Произвел несколько хитрых манипуляций, передвигая вперед и назад металлические пластинки, подкрутил винт, удерживающий прибор в определенном положении. Сверился со шкалой,

выжженной на деревянном, регулируемом кронштейне.

– Отлично... Как на учениях. – Довольно пробурчал себе под нос лейтенант. – Третий расчет! Какой сектор? – Заорал он, переводя взгляд от своего устройства на катапульту, размещенную на крыше ближайшей казармы и обратно.

– Бурый-дальний! Лево пятьдесят! – Пробасил в ответ старший из солдат, суетившихся вокруг орудия.

– Пиздишь! – В голосе Дея не было злости, скорее удовлетворение от привычных хлопот. И не скрываемое предвкушение. – Ты что, совсем слепой? Два деления вправо! Минимум. И соберись, не то воткну этот ножик в твой корявый глаз!

Флойд торопливо спрятал небольшой изогнутый нож, которым чистил ногти. Потер грязным кулаком глаз с бельмом, который всегда слезился на ветру.

– Вот же... Орёл. – Беззлобно прошипел он с ухмылкой, на всякий случай, отвернувшись от зоркого офицера в другую сторону и подгоня солдат, раскладывающих ядра по весу.

Мерный, барабанный бой, раздававшийся из-за стены, ухал все ближе.

– Брикман... Ты что, побрился? – Брюс Ботрайт понимающе ухмыльнулся. Он и сам был при параде. Белоснежная свободная сарра, надетая поверх доспехов с увеличенными наплечниками, придавала офицеру по-настоящему атлети-

ческий вид. Вышитый на груди герб Хертсема, сноп коло-
сьев, горел шикарной золотой вышивкой.

– Так точно, капитан. – Рональд Брикман потер непривыч-
но гладкий подбородок. Сегодня с утра, смотревшись на се-
бя в идеально отполированное лезвие бритвы, он вспомнил,
что когда-то гордился своим волевым подбородком. – Дей-
ждет отмашки. Посмотрите, аж приплясывает...

Оба офицера и еще четыре солдата, три посыльных
и флажковой, стояли на плоской зубчатой крыше Воющей
башни. Она словно выростала из массива приземистого, про-
долговатого строения. Одно крыло которого использовалось
в качестве оружейной, а в другом располагались личные по-
кои командующего Дурн-фаром. Воющей башню прозвали
за жутковатые звуки, создаваемые привычным здесь, поры-
вистым ветром, обдувающим острые углы самого молодого
из укреплений гарнизона. И это было не самое высокое стро-
ение в Дурн-фаре, но из-за расположения, равноудаленности
от наиболее вероятных направлений штурма, капитан пред-
почитал руководить обороной отсюда. Возможность прямо-
го зрительного контакта с командирами подразделений, бы-
ла важнее репутации отважного рубаки.

– Они почти на месте, – Ботрайт говорил не спеша, четко
проговаривая каждое слово, – все готово для капкана. Пере-
дай лейтенанту Дею... пусть начинает.

Рональд Брикман отдал короткий приказ. Солдат, курно-
сый и покрытый веснушками, с невероятно серьезным ли-

цом принялся орудовать флажками. Вверх взметнулся желтый, описал круг и уступил место красному.

– Капкан... – проговорил себе под нос Картер Дей, наблюдая за повторением сигнала. И уже громче, солдату, стоящему рядом, – первый и двенадцатый расчеты, пли!

Тут и там поднялись и пустились флажки. Четко лязгнули железные шестерни, щелкнули натянутые канаты, громыгнули тяжелые деревянные блоки. Некоторые из стоящих на стене новобранцев испуганно присели, инстинктивно прикрывая головы. Над ними промчались, легко коснувшись тенью, несколько светлых каменных ядер.

– Двенадцатый, деление вправо, огонь по готовности. – Дей не кричал, но знал, что это последняя команда, которую можно отдать, не срывая глотку.

– Мать твою! – вероятно, в первый раз за свою жизнь выругался Берти. – Т-твою мать! – повторил он восхищенно и одновременно испуганно глядя на Джастина.

– Согласен, впечатляет. – Сухо прокомментировал он, вынужденно повышая голос, так как монотонный шум марширующей армии, слышный до последнего момента, перерос в чудовищную мешанину лязга, криков и грохота. Приблизившиеся к крепостным стенам вражеские ряды, вдруг остановились, заколебались. Оно и понятно. Массивные, в человеческий рост, щиты, сколоченные из толстых досок, кото-

рые несли перед собой передние шеренги, были хорошей защитой от стрел. Но абсолютно не годились против огромных каменных ядер.

– И это только начало па-а-аррни! – Заорал рядом возбужденный Марлон. – Только нача-а-ало!

Увесистые снаряды перелетали через стену в каком-то своем, строго упорядоченном ритме. Джастин видел, что задействована лишь малая часть из орудий форта и был уверен, что за сегодня Берти выругается еще не раз.

Сложный рельеф местности, колотые каменные глыбы с одной стороны и почти отвесный подъем с другой, оставляли проход, шириной в четыреста шагов. Несколько сужающийся ближе к стенам горной крепости. Это и был один из самых узких участков перевала Дурн-фар, давшего имя гарнизону. И именно здесь, сейчас, офицеры железных львов изо всех сил старались восстановить порядок и вновь выстроить сбивающиеся в кучу ряды. Смертоносные глыбы, падающие по флангам, при метком попадании убивали пару человек и еще пару калечили. Учитывая плотность огня и расстояние, отделяющее передние шеренги от стен, серьезного ущерба армии камнеметы нанести не могли. Но каждый конкретный солдат, видящий разбитые головы и оторванные конечностей товарищей, оценивал величину ущерба иначе. И потому, видя, что смерть наступает в основном тех, кто с краю, стремился продвинуться к центру строя. Невзирая

на страшные ругательства сотников.

Сквозь шум хаоса и напряженного ожидания защитников стены, ветер каким-то чудом донес до Джастина сухую брань приказа. Быть может потому, что он этого ожидал. Обернувшись назад – увидел лейтенанта Дея в его гнезде, приникшего к чудному прибору. За его спиной солдат передал короткий сигнал. Почти синхронно громыхнули три спаренные катапульты, стоящие на вырубленных в скале террасах, одна над другой. Три пары ядер взметнулись по кривой дуге... И обрушились не долетев до цели с дюжину шагов. Пыль, взметнувшаяся серыми клубами над иссушенной ветром горной породой, не могла скрыть волнения вражеских рядов. Медленно, не уверенно, но все же продвигавшийся вперед строй – окончательно замер. До стены осталось больше сотни шагов. Джастин пробежал взглядами по ближайшим лицам. Марлон – восторг и жажда битвы, Райт – робкая надежда, Семи – испуг и ярость одновременно... Бенджамин. Гигант стоял, немного наклонив голову на бок, его глаза закатились куда-то вверх, веки мелко подрагивали. И он улыбался.

– Видит ли он, что вокруг происходит? – На миг задумался Джастин, но тут же отвлекся. Наблюдать за побоищем внизу, было гораздо интереснее.

А Бенджамин видел. И ему чертовски нравилось то, что он видит.

– Встать солдат! Вста-а-ать! – Вокруг стоял такой лязг, грохот... Со всех сторон доносились такие отчаянные крики, что слабый голос молодого лейтенанта, периодически срывающийся на жалкий фальцет, расслышать было почти невозможно. – Казню... обезглавлю... всех к чертям...

То, что мальчишка не говорил ничего дельного и в более спокойной обстановке – совершенно не помогало Николасу. Сейчас, сидя на заднице посреди невероятного хаоса, он бестолково озирался по сторонам и усиленно хлопал глазами. Из глубокого рассечения на правом виске бежала кровь, в голове шумело так, что иногда заглушало звуки боя.

– Хотя, какого боя? Мы ведь еще и не дошли... – пробормотал он себе под нос, разрывая истоптанную землю пятками в бесплодных попытках подняться.

Николас помнил, что ядро упало в дюжине шагов от него и вреда причинить не могло... Чего не скажешь о боевых товарищах, бешеным стадом ломанувшихся от разрыва. Кто-то заехал окованным железом локтем по уху, кто-то толкнул в плечо, пронсясь мимо, кто-то свалился под ноги, увлекая за собой еще нескольких. И теперь он сидел здесь, удивительным образом никем не растоптанный, пытающийся встать... хотя бы на четвереньки. Лейтенант все орал, что-то о казнях и головах.

Мелкий засранец, – пронеслось в голове у Николаса, – ух, если б никто не видел...

Кто-то поднял его под руки, хлестанул по щеке. Раз, другой, третий. Знакомое лицо, но Николас так и не узнал кто это. В грудь пихнули древко гизармы, он инстинктивно схватил. Вокруг стало гораздо больше людей, толпа захватила, понесла. Такая жуткая теснота, шум, крики, пыль... Зато не упасть, некуда падать. В лицо хлестнула горячая кровь, ослепив на мгновение. Растирая грязным кулаком глаза, Николас разглядел обезглавленное тело, проносимое мимо человеческим потоком. Оглушительный грохот. Справа стало свободнее. Он метнулся туда так быстро, как мог, все еще видя сквозь красную пелену и борясь с чудовищным головокружением. Споткнулся о чью-то ногу, валявшуюся отдельно от тела, скатился в выбоину, оставшуюся после падения тяжелого снаряда. Перекатился. Взвыл от боли, вырывая левую руку из-под тяжелого, подкованного сапога пробегавшего мимо солдата.

– Лестницы, мать вашу! – Знакомый фальцет зазвенел прямо над ухом. – Быстрее! Вперееед!

Перед лицом поплыли поперечные жерди приставной лестницы. Кругом грохотало. Лязг железа, топот множества ног, оглушительные вопли. Не слишком понимая, что происходит – Николас протянул руку и ухватился за проносимую мимо лестницу. Увлекаемый другими – поднялся с колен, побежал. Изо всех сил сжимая покалеченной рукой грубо оструганное бревно, чтобы не упасть.

– Дава-а-ай, дава-а-аай... – удовлетворенно бурчал себе под нос лейтенант Гулд Блейк, – идите сюда, блииже, блииже... – Набрав в грудь побольше воздуха он зарычал так, что сам капитан зауважал бы его чуточку больше. Если бы услышал. Но из-за грохота, царившего вокруг, его услышала лишь ближайшая дюжина бойцов. В их числе и Марлон, бавосовитым ревом передавший приказ дальше. – За-а-а-алп!

Звякнули арбалеты, зашипели в воздухе болты. Рухнули убитые и раненые. Кто-то, так и не донеся осадную лестницу до стены. Сквозь плотную завесу пыли, было очень трудно заметить одинокие фигурки, отдаляющиеся в сторону от основного строя и торопливо ковыляющие куда угодно, только не к стене. Было трудно... но лейтенант Дей заметил. Он щурил глаза и еле заметно шевелил губами, бубня ругательства себе под нос. И ждал. Важно было точно подгадать момент. Высмотреть, когда с поля боя побегут уже группами.

– Да... сейчас. – Лейтенант не оборачиваясь резко поднял руку. Знал, что приказ передадут и исполнят своевременно. Он не смотрел на резко вздымающееся вверх плечо огромного требушета. Не видел как тяжелый, громоздкий... идеальный механизм метательной машины возвращается в исходное положение, как перезаряжается хорошо слаженными, лаконичными движениями обученных солдат. Как запускается в цель снаряд из точно такого же гигантского требушета, стоящего в семи шагах, и все повторяется вновь. А между двумя огромными машинами, по своему протоптанному

кругу, бодро и уверенно вышагивают мулы, приводя в движение весь механизм. Картер Дей всего этого не видел, так как ранее наблюдал сотни раз. Сейчас он наслаждался эффектом, который на отступающее подобие строя производили зажигательные снаряды.

Если еще минуту назад, молодой лейтенант железных львов угрозами и тумаками пытался гнать солдат на штурм, то сейчас он лишь старался выжить. И эта задача поглощала его, как и всех вокруг, без остатка. Мгновение прошло с тех пор, как протрубили отступление. Протрубили потому, что половина войска и так уже бежала. Лейтенант был моложе большинства бойцов и, как показала практика, быстрее многих. Черпая силу в страхе и желании жить, он несясь, едва касаясь земли, ловко обегая раненых и павших. Но в таком хаосе, в такой адской круговерти, что творилась вокруг – важнее всего были не резвые ноги, а слепой, и как частенько бывает, несчастный случай.

– А-а четов ублюдок! – Столкнувшись практически лоб в лоб с бойцом, почему-то бежавшим в другую сторону, лейтенант дико взвыл. Более массивный солдат неуклюже рухнул сверху, придавив офицера к земле. Но тот не растерялся и, недолго думая, залепил хаму прямо в зубы. При этом, в отличие от некоторых, отступая, лейтенант не потерял оружия, а поднимая солдат в атаку, сжимал в высоко поднятой руке отцовский подарок – палаш с шикарной золоченой гардой.

Именно этой, изящно выполненной в виде закрытой шипастой корзинки, гардой – он и раскроил незадачливому бойцу пол лица. Не переставая осыпать его проклятиями в безуспешных попытках столкнуть с себя тяжелое, бестолково сопротивляющееся тело.

Николасу было очень плохо. Все еще не пришедший в себя после удара по голове, он не мог понять происходящего вокруг. Плохо слышал, еще хуже видел, и единственным его желанием было поскорее убраться подальше. Что он и пытался сделать. Оказавшись сбитым с ног, в который раз за сегодня, Николас инстинктивно хватался руками за все, до чего мог дотянуться, в тщетной надежде подняться. Страшный удар, пришедшийся почему-то снизу, на миг привел солдата в себя. Резкая, звенящая боль вырвала его из полубомбочного состояния и беспощадно раскрасила все происходящее вокруг невероятно яркими красками. Красный огонь, пробивающийся сквозь клубы черного дыма и испаряющий красную кровь на черном латном вороте. Золотой блеск, летящий в глаза... и снова бодрящая вспышка боли. Маленький человек, визжащий мерзким фальцетом прямо в лицо. Знакомый голос...

Николас перехватил предплечье лейтенанта, не дав нанести очередной удар. Искалеченной правой рукой жажнул так, что почувствовал брызги на лице. Его кровь обильно капала вниз, смешиваясь с кровью офицера. Николас рванул палаш из хаотично дергающейся руки. Поднялся на колени. С си-

лой опустил граненое навершие эфеса на переносицу ненавистного, крикливого юнца. Раз, другой, третий... И краем глаза заметил стремительно приближающийся, объятый пламенем снаряд.

Бенджамин слегка тряхнул головой. Кривая, пугающая, но полная истинного удовлетворения улыбка – осветила его асимметричное лицо. Он слегка повел вширь могучими плечами, с силой сжал и расслабил пудовые кулаки.

– Хорошо-о-о... – Протянул гигант на выдохе.

– Вона как! Вона как оно! – Рядом громко восхищался прыщавый мужик, по прозвищу Свинопас. – Полыхают то как! У-у-у едрить твою... Этож просто... просто...

Он чуть не задыхался от избытка чувств. А словарного запаса, что бы выразить столь невероятную бурю эмоций, явно не доставало. Но Свинопас с успехом компенсировал недостаток очень живой мимикой и еще более активной жестикуляцией. В общем-то, вокруг радовались и ликовали все. Ведь враг отступил, да что уж там, позорно бежал. При этом оставив за собой немало мусора, в виде изувеченных ядрами, истоптанных и обожженных тел. Но, хоть радовались все, именно размахивающему руками Свинопасу повезло зацепить проходящего мимо лейтенанта Блейка.

– О-о-о... Простить просим, господин, – солдат сконфуженно улыбнулся, потирая руку, ушибленную о крепкий, выпуклый лоб офицера, – но ведь как мы их, а? Как мы их! –

неподдельная радость Свинопаса полностью соответствовала царящему вокруг настроению. Но холодное молчание лейтенанта быстро погасило смех. Блейк медленно оглядел всех, стоящих вокруг. За пару мгновений успел встретиться глазами с двумя дюжинами бойцов, затихающих один за другим... Потом тонкие, бледные губы офицера медленно растянулись в широкой улыбке. Он пару раз хрипло хмыкнул, дважды хлопнул в ладоши, как бы отдавая должное хорошему исходу – и все вокруг будто ожили. Расслабились, снова заголосили, пересказывая друг другу увиденное и делясь впечатлениями.

Блейк резко дернулся вперед и практически неуловимым движением впечатал Свинопаса спиной в каменный парапет стены. Чуть приподнявшись над землей на кулаке офицера, солдат шумно выдохнул. И упал вперед бессильным мешком. Если бы не подхвативший его Бенджамин – наверняка расквасил бы еще и нос.

– Победа! Пусть не окончательная, но красивая! – С жаром прорычал Гулд Блейк, пользуясь образовавшейся вокруг себя тишиной. – И это, в том числе, ваша победа... Но не ваша заслуга! Машины Дея сделали всю работу, парни Дея сделали всю работу. – Он наклонился к Свинопасу, медленно приходящему в себя. – А что делал ты? Я спрашиваю тебя, херов триумфатор, что ты сделал?! Ты... дрожащими ручонками... укладывал в ложе болт, оперением вперед...

Вокруг раздалось несколько приглушенных смешков.

– А ты, малыш, – поняв, что обращаются к нему, Бенджамин застенчиво улыбнулся, – что делал ты? – лейтенант медленно подошел к здоровяку.

– Он заряжал для меня, господин. – Джастин поймал на себе несколько осуждающих взглядов. Некоторым явно хотелось посмотреть, как крупный, но все же уступающий в росте лейтенант, будет дубасить такого гиганта. – Он иногда мешкал, да, но после пары тумачков пришел в себя.

Блейк пожал плечами, смачно плюнул со стены.

– Это хорошо, а то мне показалось, что он просто стоял столбом. Закатив глазища и дергаясь.

Джастин выдержал взгляд лейтенанта, тоже пожал плечами, мол, бой – за всем и не уследишь.

– Хорошо, – закончив с дисциплиной, продолжил Гулд Блейк, – остальные показали себя не так скверно. Марлон вообще хорош. Видел, как ты лупцевал того, тощего. Даже добавлять не стану. За что хоть?

– Чуть мне жопу не прострелил, – с усмешкой буркнул Марлон, косясь на Берти, – и эт он просто заряжал. Жутко подумать – как будет в бою опасен...

Взрыв хохота слился с общим радостным шумом, царившим на стене. Лейтенант, посмеиваясь, уже собрался уходить, но что-то вспомнил. Обернулся.

– Джастин. Ты, как слишком благородный, берешь этих двоих и в каменоломню. Компенсировать расход ядер. И чтоб шпынял их там резвее, не то сам приду. Мелкого мо-

жешь и киркой, ему хуже не будет.

Бенджамин расцвел доброй улыбкой счастливого крети-на. Свинопас откашлялся, пытаясь встать. Джастин печаль-но вздохнул и подмигнул Марлону.

Крепость на перевале Дурн-фар появилась задолго до то-го, как он получил свое имя. Более того, задолго до обра-зования Бирны. И за сотни лет существования, укрепления множество раз переходили из рук в руки. При этом, то раз-рушаясь, частично или полностью, то отстраиваясь вновь. В соответствии с замыслом и возможностями новых хозя-ев. В результате получилась чертовски замысловатая кон-струкция, отчасти вырубленная прямо в скале. Наслоения самых разнообразных кладок. Буйное скопление творений военной фортификации различных эпох и народов. От гру-бых четырехгранных башен, сложенных из нетесаного кам-ня, до изящных арочных построек с идеальными куполами. Предназначение некоторых было очевидно, узкие бойницы и зубчатые стены говорили сами за себя. Другие представля-ли определенную загадку. Также в Дурн-фаре хватало и под-земных помещений. Вырубленные в светлой скальной по-роде, они использовались в основном под погреба и скла-ды. И под карцеры, для пленных или провинившихся. Неко-торые из этих таких подземелий периодически углубляли и расширяли. И вовсе не из-за нехватки погребов или камер.

– А-а... Дерьмо! А-а-а...а-а-а... щцхуу! – Свинопас оглу-

шитительно чихнул, из его ноздрей вылетело небольшое облачко белой пыли. Он оперся на тяжелую кирку с затертым до блеска древком. Попытался немного отряхнуть лицо, но только еще больше размазал пыль с едким потом. – Я ненавижу подземелья, я их боюсь! Я – дитё лесов. И я...

– Эй, дитё! – Джастин припустил в голос суровости. Он умел так делать, когда было нужно. И умел различить, когда это необходимо. – Если будешь только стоять да гундеть, получишь по шее. И ладно, если от меня. Блейк тебе может всю жизнь переломать... вместе с костями. А потом еще кинет в настоящий каменный мешок, где света и не было никогда. Тут-то смотри – даже небо видно. Скорее не подземелье, а так, яма или овраг.

Свинопас задумчиво уставился на небольшой кусочек неба, с еле заметными алыми тонами приближающегося заката. Коротко кивнул, вроде как сам себе и неуклюже продолжил орудовать киркой. В нескольких шагах от него, значительно эффективнее и с куда большей охотой, работал огромным ломом Бенджамин.

– К чему уныние? К чему грусть? – Бурчал гигант своим глубоким, приятным голосом. С каждой фразой опуская тяжеловесное орудие на огромную глыбу камня, стараясь расколоть в определенном месте. – Работа хороша. Работа полезна. День выдался что надо. К чему уныние? – Он работал не спеша, основательно и с улыбкой. Хотя, чтобы признать в жутковатой гримасе улыбку, требовалось некоторое время.

– В этом ты, пожалуй, прав. – Джастин с заметной сноровкой обрабатывал глыбу, придавая ей шарообразную форму. Долото и небольшая кувалда с короткой ручкой, летали в его руках с поразительной скоростью и без видимых усилий. – Вот вроде нормальный парень. Работящий, к пустому нытью не склонен, как некоторые. – Он бросил выразительный взгляд на Свинопаса, который вроде даже пристыдился и замахал киркой активнее. – Но ведь как дошло до дела – застыл колодой и стоит не пикнет. Растерялся никак? Или со здоровьем что? Я слышал про разные припадки...

– Все в порядке, – Бенджамин улыбнулся еще шире. Так широко, что в порядок особо не верилось. – Я здоров. Полностью.

Его правый глаз, и без того смотрящий куда-то в бок, сделал отвратительный кульбит в глазнице и уставился в другую сторону. В то время как левый, слишком большой и широко открытый, неотрывно смотрел на Джастина. Гигант вернулся к неспешному раскалыванию каменной плиты, вставляя фразы между гулкими ударами лома.

– Забавно смотреть на реакцию людей. – Он сделал небольшую паузу. Джастин задумался. И заподозрил наличие чувства юмора у великана. – И тогда я не терялся. Просто смотрел. Смотрел, как бегают. Как суетятся. К чему суетиться?

Нужный кусок плиты откололся. Бенджамин нагнулся и вместо того, что бы подкатить его к Джастину, просто под-

нял и понес.

– Да, клади сюда. Ну или еще поддержи, если нравится. – Джастин улыбнулся в ответ на улыбку силача. – Вот только я не понял, да и не только я. Лейтенант тоже. Кто там суетилс? Куда ты смотрел, когда должен был подавать выстрелы?

– На Николаса. Он так бежал. Падал и снова бежал. – Бенджамин снова взял в руки лом. И медленно ухая по камню, продолжил. – Прости, что не помогал. Думал не нужно. Думал – вы сами. Буду внимательней. Да.

Джастин поймал красноречивый взгляд Свинопаса. Тот приподнял одну бровь, ухмыльнулся. Того и гляди повертит у виска пальцем. Не повертел. Но Джастин догадывался, что это скорее из-за габаритов Бенджамина, поневоле внушающих некоторое уважение.

– Эмм... Не то что бы стало понятнее. Ты, Бенджамин, интересный человек. Но многие не шибко любопытны, а потому, услышав твои... пояснения, попросту запишут тебя в психи. В сумасшедшие. Понимаешь?

– Запишут? Не думаю. – Несмотря на то, что была видна только спина великана, Джастин был уверен, что тот снова улыбается. – Но я понял, что ты говоришь. Отвечу, что ты тоже интересный. – Он с силой опустил лом, каменная крошка брызнула во все стороны. При этом голос гиганта оставался все также спокоен и безмятежен. – А значит – тебя тоже считают психом. Те, нелюбопытные. Да, вумный читаль?

Последнее Бенджамин произнес с хорошо знакомой хри-

потцой. На мгновение у Джастина перед глазами возникла картина, как он полгода назад попал в Дурн-фар. Как Марлон и некоторые другие воспринимали нового соседа. Особенно, если видели его отдыхающим с книгой или пишущим письмо семье.

– Хм... Ну ладно. В некотором смысле, ты прав.

– Не знаю уж кто прав, – бесцеремонно влез Свинопас, явно уставший и, вероятно, предпочитающий разговор работе, – но я тоже видал, как ты глазище та закатывала. Оно, конечно, было чем заняться, потому и не приглядывался. Но ведь ежели ты того... снова. Желательно бы знать, понимаешь... Едрить его так!

– Хорошо сказал, – поддержал Джастин, – аж за душу взяло. Ну, Бенджамин, видишь, как сослуживцы за тебя переживают? Колись давай и в подробностях. Едрить его так.

Гигант пожал плечами, мол, да пожалуйста. Присел на плоскую каменную плиту, что Свинопас тоже воспринял как сигнал к началу отдыха и примостился рядом. Джастин оглянулся на выход. Вдохнул. Решил, что лейтенанту сейчас здесь делать нечего, а значит и правда можно послушать. Накинув легкую матерчатую куртку на одно из неотёсанных ядер, уселся напротив. Кивнул в знак того, что все готовы и можно начинать.

– Вы может и удивитесь, – начал Бенджамин приглушенным, заговорщическим тоном, – но я не отсюда. Не из Хертсема. Не из Бирны.

Повисла пауза. Бенджамин явно ждал комментариев

– Ну и? – Не вытерпел Свинопас. – Что с того? Да в Бирне половина нездешних. Почитай со всех концов света приблудные шастают. Дальше то, дальше.

– Из Леммаса я. Из-под Уэбгарда, если точнее. – Джастин присвистнул, демонстрируя знание географии. Свинопас, боясь показаться более темной деревенщиной, чем был на самом деле, тоже причмокнул и покачал головой. – Там маленькая рыбацкая деревушка на Черном берегу. Была. Прозывалась... Хотя вам то оно на кой. Так вот. Я тогда ребенком был. Малым. Ну, то есть поболее других, но не взрослый еще. – Свинопас понимающе хохотнул. – Не видел тогда. Ну, то есть видел, но не далеко совсем и только этим. – Своим здоровенным указательным пальцем, толщиной в два обычных, он чуть не ткнул себя в правый глаз. Который сразу закрутился, забеспокоился, словно живой. Джастин еле заметно поежился. – Как то после страшного шторма, когда половину крыш с домов посрывало, выбросило на берег обломки. Считай – пол корабля. Второй половины не было, но и та, что волнами на мель вынесло – была больше чем... – Бенджамин оглянулся, словно ища, с чем бы сравнить. Но, как и стоило ожидать, в рукотворной пещере не было ничего подходящего. – Больше наших. Всех вместе. Даже целых. – Гигант усиленно закивал сам себе, явно довольный приведенным сравнением. – Сплавали туда лодками. Нашли много всякого. Канаты, паруса... человека. Тот как мертвый ле-

жал, потрепала его вода. Кто-то из наших на него крабов ловить хотел. – Видя, что его не поняли, Бенджамин начал торопливо объяснять. – Ну, кидаешь тухлю на отмели. Лежит, воняет. Ночью крабы-то как навывлазают, только собирай. – Джастин кивнул, выжидательным взглядом побуждая к продолжению рассказа. – Так вот. Хорошо же, что не кинули. Крабам значит. Ведь он как закашляет. С ведро воды внутри было. Но ничего, откачали, отходили. А он отцом оказался...

Лицо Бенджамина расплылось в благостной улыбке. Джастин и Свинопас переглянулись.

– Шо? – Вежливо уточнил Свинопас.

– Чьим? – Недалеко ушел Джастин.

Гигант с важным видом поднял вверх палец, подчеркивая значимость сказанного. Он явно был доволен ролью рассказчика и интересом, проявляемым слушателями.

– Не чьим, а каким... Святым он был. Так и сказал, когда говорить смог. Святой отец. Не поняли? Вижу, что не поняли. – Он снисходительно махнул своей тяжелой рукой, мол, куда вам. – У нас, в Леммасае, – назидательный тон Бенджамина забавно контрастировал с его внешностью, – жрецов всегда хватало. А богов – и того больше. Было. То есть кто-то уверен, что и сейчас есть. Но я-то знаю. И вы узнаете. А ты, – своим большим, левым глазом он уставился на Джастина, – поймешь лучше многих. Так вот. Святой отец, тоже был своего рода жрецом. Только называл себя слугой. Слуга божий. Да-а-а... Так он и говорил. И служил. Поначалу его в серьез

не воспринимали, даже я. Но потом святой отец показал нам бога. Начал проповедовать нам, детям. И все, что он говорил, звучит в моей голове словно эхо, отраженное границами разума, границами, навязанными теми, кто не ведает.

Свинопас удивленно крикнул. Джастин лишь слегка приподнял брови. Он и раньше замечал, что Бенджамин порой отступает от привычных, рубленых фраз. Начинает говорить сложнее, изощреннее чем обычно. Тогда в глазах гиганта, особенно в увеличенном левом – будто загорается маленький огонек. При этом создается ощущение, что этот жутковатый, но вдохновенный взгляд направлен вовсе не на тебя. Что он смотрит глубже, чем можно предположить. Вот как сейчас.

– А не ведали все вокруг. Святой отец рассказал, объяснил и научил. В чем были не правы, какие идолы ложны и кто на самом деле... у истоков всего. – Повисла пауза, было видно, как Бенджамин вспоминает. И видно, что не все воспоминания приятны. – Но слышали, как водится, не все. Ох, не все. Кто-то обиделся, кто-то ополчился. К чему все вело – известно. Хоть были и такие, кто встал на защиту. Но сил не хватало. Не хватало потому, что было не суждено. И Он забрал к себе отца, когда решил, что пора. И забрал скоро. Но до тех пор, святой отец показал нам многое. И среди тех, кто увидел – был я. Был не один. Но другие были слабее... или желаннее для Него. Их забрали тоже. А я ушел. Ушел потому, что знал куда. Святой отец сказал мне,

что в огне сгинет лишь плоть его, но сам он будет со мной. Укажет путь и наставит. А что бы с тропы не сбился – будет мне дар Его... Око.

Он говорил еще долго. Притихший Свинопас робко по-сматривал из-под приподнятых бровей. Его явно подавляла мрачная серьезность Бенджамина. А Джастин слушал внимательно, с неподдельным интересом. Слушал обстоятельный, хоть и изложенный в форме цепочки умозаключений, рассказ. Путь из-под Уэбгарда до Дурн-фара занял у Бенджамина двенадцать лет. Хотя даже пеший, не слишком торопливый путник мог бы преодолеть его за пять месяцев. Все дело в том, что шел он не по прямой. Как утверждал сам Бенджамин – его вели. Направляли. Пусть – не самой прямой и короткой дорогой, но за время странствий случилось немало всего. Он оказывался там, где должен был быть – в самое подходящее время. Подходящее для кого или чего? Точного ответа у Бенджамина не было. Но пара примеров, приведенных вроде как вскользь и без подробностей, говорили о том, что сам он считал путешествие подготовкой. Подготовкой его к чему-то значимому.

А Джастин все больше набирался уверенности, что разгадал великана. Он уже встречал таких людей. Фанатиков, по разным причинам уверенных в собственной исключительности. В своем особенном предназначении. В миссии, неизвестно кем и для чего предназначенной. И при этом, некоторые верили в наличие у себя самых разных особен-

ностей. От абсолютной неуязвимости, до мистического везения в азартных играх. Первые, как правило, погибали изрубленными, заколотыми или просто повешенными. Вторые же, если их случайно миновала участь первых, проигрывались в пух и прах, старательно спиваясь в процессе.

Но Бенджамин был в этой категории людей относительно оригинальным. Не называя себя магом или колдуном, не присваивая себе каких бы то ни было сверхспособностей, тем не менее утверждал, что способен видеть лучше остальных. После ряда наводящих вопросов стало понятно, что он имеет в виду. По заверению гиганта – он мог видеть события, происходящие невероятно далеко от него. При этом ни физические препятствия, в виде стен или гор, ни препятствия иного рода, например глубокая ночь, нисколько не затрудняли наблюдения.

– Ну, все понятно. – Лаконично подытожил краткую биографию и туманные объяснения Джастин.

– Вот прям все? – В голосе Свинопаса забавно перемешивались самые разные чувства. Он явно был не готов поверить во все рассказанное, но и открыто спорить не решался. Тем более, что мнения старшего товарища он еще не понял.

– Ну да, все. – Джастин был просто воплощением серьезности. – Значит, во время боя ты просто засмотрелся на... кого-то там. Другим его увидеть было не дано. Чтож... бывает и такое. И раз уж ты уже пообещал быть внимательнее – больше вопросов не имею. Давайте подниматься и...

– Ты пользуешься заслуженным уважением товарищей. – Глубоким, ровным голосом перебил Бенджамин. – Отчасти потому, что много видел. Не обязательно сам. Но в тебе заметна чужая мудрость. Чужие мысли. Да, книги хорошие учителя. Но наблюдая собственными глазами – получаешь куда более чистые образы. – Его левый глаз, раскрытый еще сильнее, чем обычно, как-то странно поблескивал. – А я видел больше, чем ты можешь вообразить.

Пару мгновений Джастин раздумывал, но не дал себя смутить. Уверенно кивнул, выдав сосредоточенно-вдумчивое выражение лица, и тихо проговорил.

– Ты, несомненно, прав. Видеть самому куда как удобнее. А посему – идемте уже смотреть, что же там наверху. А то, чего доброго, всю войну пропустим или что еще хуже – черную миску похлебки.

Наступление сумерек серьезно осложнило поиски кирки Свинопаса, а сами поиски несколько отсрочили их уход из каменоломни. Идя впереди, Джастин глянул через плечо. Бенджамин снова сутулился, смотрел под ноги и привычным, немного отстраненным тоном бормотал себе под нос.

– Спать в тепле. Кормят каждый день. Хорошо.

В нем снова не было ни капли загадочности. Он снова подходил на огромного придурка. А Джастин снова зарекся следить за ним повнимательнее.

– Да чушь это. Им сейчас только раны зализывать. – Сэм

поежился на холодном ночном ветру и плотнее запахнул плащ. На третьей северной башне дежурили еще двое. Менее замерзших и менее уверенных.

– Львы зализывают раны, – задумчиво проговорил Джастин, – символично. Но их потери не так значительны, как тебе могло показаться. Радость легкой победы, окрыленная надежда и чуточка самовнушения – вот рецепт твоей уверенности.

– Шо? Шо плетешь – непонятно, – расстроено всплеснул руками один из новобранцев. Глуховатый, староватый и, как водится – глуповатый селянин. – Вдарют иль не вдарют? Вот взял бы, да сказал. Сэми то хоть тоже говорливый, да понять можно. А ты...

Сэм недовольно откашлялся. Его одутловатое, хмурое лицо выражало недовольство. Он кое-как смирился, что приятели называют его Сэми, но от посторонних терпел такое с явным трудом. Сейчас было видно, что его одолевают сомнения – выговорить нахальному новобранцу за подобное обращение или уважить возраст и промолчать.

– Дали им красиво, говорю, да рано еще булки расслаблять. – Громко и чуть ли не по слогам разложил Джастин. Он искренне надеялся, что пожилой крестьянин все расслышал и понял.

– Вооо... Так и надуть. – По морщинистому, вытянутому лицу пробежала череда гримас. Вероятно, обозначающих понимание, удовлетворение и согласие. – А полужопки то

в кулак и надолго. Эт да. Верняк. Их то вон, куча какая, кострища разожгли – страх один! Скажи, Сэми?

Жилистой, немного трясущейся рукой, он указал в сторону лагеря лайонелитов. В ночи выглядящему как река, из красных и оранжевых огоньков, текущая к подножью гор.

– А вот и не скажу! – Сэм был раздражен. И фамиллярностью полужнакомого типа, и тем, что его непрочный позитивный настрой не выдерживает даже поверхностных возражений. – Я уверен, что вломили им будь здоров. И тех, кого ядрами не убило – свои же подавили. Улепетывали так, что пыль стояла. А то, что живых еще хватает, не значит ничего. Небось думают, раз по жопе получили, к стене не приронувшись – то уж забраться точно не светит. Тем более, впотьмах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.